

A Conan Doyle

АРТУР
КОНАН ДОЙЛ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ

ДОЛИНА СТРАХА

Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2013

УДК 821.161.1
ББК 84.(4Вел.)
Д62

Arthur Conan Doyle
A Study in Scarlet
The Sign of Four
The Valley of Fear

Перевод с английского
М. Литвиновой, В. Бабкова

Дойл, Артур Конан
Д62 Этюд в багровых тонах. Знак четырех. Долина стра-
ха. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. —
376 с.: ил. — (Собрание мировой классики).

ISBN 978-5-9922-1399-7

Сэр Артур Конан Дойл (1859—1930) — классик британской литера-
туры, один из родоначальников детективного жанра. Автор популяр-
ных приключенческих, научно-фантастических и исторических произ-
ведений, среди которых мировое признание писателю принесла серия о
сыщике Шерлоке Холмсе и его верном спутнике докторе Уотсоне.

В настоящее издание вошли три повести о приключениях Шерлока
Холмса: «Этюд в багровых тонах» (1887 г.) — именно в ней впервые по-
является знаменитый сыщик, «Знак четырех» (1890 г.) и «Долина стра-
ха» (1915 г.).

УДК 821.161.1
ББК 84.(4Вел.)

© В. Бабков, 2013
© М. Литвинова, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1399-7

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

**Часть первая
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ДОКТОРА ДЖОНА Х. УОТСОНА,
ОТСТАВНОГО ОФИЦЕРА
МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ**

**Глава I
МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС**

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли на курсы подготовки военных врачей. По окончании занятий я был сразу же зачислен младшим врачом в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В ту пору он размещался в Индии, но не успел я туда приехать, как разразилась вторая война с Афганистаном. Сойдя с корабля в Бомбее, я обнаружил, что мой полк уже перевалил

через горную цепь и находится далеко на вражеской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вслед за своим полком, благополучно нагнал его в Кандагаре и немедленно приступил к выполнению своих новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла награды и почести, однако мне достались лишь невзгоды и разочарования. Меня перебросили из Нортумберлендского полка в Беркширский, с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из кремневого мушкета — она раздробила мне кость и слегка задела подключичную артерию. Я наверняка угодил бы в лапы беспощадных гази¹, если бы не верность и мужество моего ординарца Марри, который взвалил меня на выючную лошадь и сумел доставить живым в расположение британских войск.

Измученный болями и ослабевший от перенесенных испытаний, я вместе с целой толпой других раненых страдалцев был отправлен на поезде в Пешавар, где находился наш базовый госпиталь. Там мне полегчало; я уже стал потихоньку бродить по коридорам и даже выбираться на веранду, чтобы погреться на солнышке, но тут меня свалил брюшной тиф, этот бич наших индийских владений. Несколько месяцев я был почти безнадежен, а когда наконец пришел в себя и начал понемногу выздоравливать, моя слабость и истощенность заставили медкомиссию принять решение о моей скорейшей отправке обратно к родным берегам. Меня взяли на борт транспортного судна «Оронт», и спустя месяц я высадился в плимутской гавани с непоправимо подорванным здоровьем и разрешением отечески заботливого правительства провести ближайшие девять месяцев в попытках его восстановить.

У меня не было в Англии ни родных, ни близких, так что я был свободен как ветер — точнее, как человек, которому положено сводить концы с концами на одиннадцать с половиной шиллингов в день. Естественно, меня потянуло в Лондон, эту огромную выгребную яму, куда неизбежно стекаются лентяи и бездельники со всей империи. Там я снял номер в маленькой гостинице на Стрэнде и некоторое время влачил тягостное и бессмысленное существование, тратя свои жалкие средства гораздо менее осторожно, чем следовало бы. Вскоре состояние

¹ Гази — участники газавата, войны мусульман с неверными. (Здесь и далее прим. перев.)

моих финансов сделалось настолько угрожающим, что я понял: надо либо уезжать из столицы и прозябать где-нибудь в провинции, либо круто менять образ жизни. Выбрав последнее, я решил для начала оставить гостиницу и подыскать себе какое-нибудь другое, не столь претенциозное и разорительное обиталище.

В тот самый день, когда было принято это решение, я стоял в баре «Критерион» и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я узнал молодого Стамфорда, который когда-то работал со мной фельдшером в больнице Св. Варфоломея. Увидеть дружеское лицо в бескрайних дебрях Лондона — настоящий подарок судьбы для одинокого человека. Мы со Стамфордом никогда не были закадычными приятелями, но теперь я приветствовал его весьма пылко, да и он, кажется, обрадовался нашей встрече. На радостях я пригласил его отобедать со мной в «Холборне», и мы сразу поехали туда в наемном кабриолете.

— Что вы с собой сделали, Уотсон? — спросил он с неприкрытым удивлением, когда мы катили по людным столичным улицам. — Вы худой, как щепка, и желтый, как лимон!

Я вкратце описал ему свои злоключения, едва успев улечься до приезда в ресторан.

— Бедняга! — с сочувствием воскликнул он, выслушав мой рассказ. — И чем же вы заняты теперь?

— Ищу жилье, — отвечал я. — Пытаюсь выяснить, можно ли снять приличную квартиру за умеренную плату.

— Вот странно, — заметил мой спутник, — сегодня вы уже второй, от кого я слышу в точности эти самые слова.

— А кто был первым? — спросил я.

— Один мой знакомый, который работает в химической лаборатории при больнице. Нынче утром он сетовал на то, что не может найти себе партнера, — говорил, что отыскал симпатичную квартиру, но она как назло ему не по карману.

— Отлично! — воскликнул я. — Если он и правда хочет разделить с кем-нибудь жилье и расходы, я как раз тот, кто ему нужен. По мне, жить в компании намного веселее, чем одному.

Пригубивая вино, молодой Стамфорд бросил на меня странный взгляд.

— Вы еще не знаете Шерлока Холмса, — сказал он. — А то, может, и не захотели бы жить с ним вместе.

— Чем же он плох?

— Я не говорю, что он плох. Просто чудак — энтузиаст некоторых областей науки. А вообще-то, насколько мне известно, человек он порядочный.

— Учится на врача? — предположил я.

— Да нет... я понятия не имею, какие у него планы. По-моему, он хорошо знает анатомию, а химию еще лучше, но, если не ошибаюсь, он не оканчивал никаких медицинских курсов. Изучал то одно, то другое по какой-то загадочной, одному ему ведомой системе, и в результате накопил уйму самых неожиданных знаний, которые наверняка порядком удивили бы его профессоров.

— И вы никогда не спрашивали, зачем ему все это нужно? — полюбопытствовал я.

— Нет. Из Холмса нелегко что-нибудь вытянуть, хотя, если на него найдет такой стих, он может быть довольно общительным.

— Рад буду с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж надо с кем-то делить квартиру, я предпочел бы человека тихого, увлеченного наукой. Я еще чересчур слаб для того, чтобы выносить шум и суету. В Афганистане у меня было этого столько, что хватит на весь оставшийся век. Когда вы могли бы свести меня с вашим приятелем?

— Скорее всего он сейчас в лаборатории, — отозвался мой собеседник. — Он либо не появляется там целыми неделями, либо трудится с утра до вечера. Если хотите, заглянем туда вместе после обеда.

— Договорились, — ответил я, и наш разговор перешел в другое русло.

Покинув «Холборн», мы поехали в больницу, причем по дороге Стамфорд сообщил мне еще кое-какие подробности о человеке, с которым я собирался жить бок о бок.

— Имейте в виду, если вы с ним не уживетесь, я не виноват, — сказал он. — Я знаю его только потому, что иногда сталкиваюсь с ним в лаборатории. Вы сами напросились на эту встречу, так что в случае чего пеняйте на себя.

— Если мы не поладим, разойтись будет несложно. Однако мне сдается, — добавил я, в упор глядя на своего спутника, — что вы почему-то хотите умыть руки. Неужели у этого малого такой отвратительный характер или что там еще? Признавайтесь сразу, не надо ходить вокруг да около.

— Трудно выразить невыразимое, — ответил он со смехом. — На мой вкус, Холмс слишком уж одержим жадной познания — настолько, что это граничит с бездушием. Вполне могу представить себе, что он угостит друга щепоткой недавно открытого растительного алкалоида — не со зла, понимаете, а просто из научного любопытства, чтобы лучше понять, как он действует. Правда, надо отдать ему должное, он и сам примет его с той же готовностью. У него прямо-таки страсть к строгим, неопровержимым фактам.

— Что ж, это похвально.

— Пожалуй, но всему есть пределы. Согласитесь, когда человек избивает тростью покойников в прозекторской, его любознательность принимает несколько странную форму.

— Он избивает покойников?

— Да, чтобы проверить, появятся ли у них синяки. Я наблюдал это собственными глазами.

— И вы говорите, что он не собирается стать врачом?

— Нет. Одному Богу известно, какие у него цели. Но вот мы и на месте — теперь смотрите и судите сами.

В этот момент мы свернули на узкую аллею, а потом вошли через боковую дверь в крыло огромной больницы. Все здесь было так хорошо мне знакомо, что я вполне мог бы найти дорогу и сам; мы поднялись по унылой каменной лестнице и зашагали по длинному коридору с белеными стенами, мимо серо-коричневых дверей. Низкая арка почти в самом конце коридора вела в химическую лабораторию.

Это было помещение с высоким потолком и стеллажами, забитыми бесчисленными банками и склянками. Там и сям стояли низкие широкие столы, ошетилившиеся ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с мерцающими голубоватыми язычками. В комнате находился только один человек — он склонился над дальним столом, поглощенный своим делом. Услышав наши шаги, он обернулся и с радостным восклицанием вскочил на ноги.

— Я нашел его! Нашел! — крикнул он моему спутнику и кинулся к нам с пробиркой в руке. — Вот реактив, который осаждается только гемоглобином и больше ничем! — Если бы он нашел золотую жилу, его лицо не могло бы ярче светиться счастьем.

— Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас Стамфорд.

— Здравствуйте! — сердечно сказал мой новый знакомый, пожимая мне руку с силой, которой я никак не мог в нем заподозрить. — Я вижу, вы побывали в Афганистане.

— Откуда вы знаете? — изумился я.

— Это пустяки, — усмехнувшись, сказал он. — Сейчас главное — гемоглобин. Вы, без сомнения, понимаете важность моего открытия?

— С точки зрения химика, это, наверное, интересно, — ответил я. — Но практически...

— Боже ты мой, да для судебной медицины это самое важное открытие за последние несколько лет! Разве вы не видите, что оно дает нам абсолютно надежный тест на кровавые пятна? Подите-ка сюда! — Он нетерпеливо схватил меня за рукав и увлек к столу, за которым работал. — Возьмем немного свежей крови, — с этими словами он уколол себе палец длинной иглой и собрал пипеткой выступившую каплю. — Теперь я растворяю это ничтожное количество крови в целом литре воды. Мы видим, что полученный раствор выглядит как чистая вода, не так ли? Содержание крови здесь не больше одной миллионной. И тем не менее я уверен, что мы сможем наблюдать характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристалликов, а затем добавил туда каплю-другую какой-то прозрачной жидкости. В тот же миг вода в стеклянной банке приобрела мутно-красный цвет, а на ее дне стал собираться коричневатый осадок.

— Ха-ха! — воскликнул он, хлопая в ладоши, точно восторженный ребенок при виде новой игрушки. — Как вам это нравится?

— Похоже, реактив очень чувствительный, — заметил я.

— Прекрасный! Прекрасный! Старый тест с гваяковой смолой очень неудобен и ненадежен. То же самое можно сказать о проверке на наличие кровавых телец с помощью микроскопа. Последняя вообще бессмысленна, если пятна появились хотя бы несколько часов назад. А этот анализ, по-видимому, годится для любой крови, когда бы она ни была пролита. Если бы его придумали раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно гуляют по белу свету, уже расплатились бы за свои преступления.

— Неужели? — пробормотал я.

— Уголовные расследования то и дело упираются в эту проблему. К примеру, человек попадает под подозрение через

несколько месяцев после того, как было совершено убийство. Проверяют его белье или одежду и находят на них бурые пятна. Что это — кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов, а почему? Да потому, что у них не было надежного теста. Зато теперь у нас есть тест Шерлока Холмса, и все трудности позади!

Глаза его буквально сверкали; он положил руку на грудь и поклонился, словно отвечая на аплодисменты невидимой толпы.

— Вас можно поздравить, — промолвил я, немало удивленный его энтузиазмом.

— В прошлом году во Франкфурте был арестован фон Бишофф. Его бы наверняка повесили, если бы следствие имело возможность прибегнуть к моему тесту. А Мейсон из Бредфорда, а пресловутый Мюллер, а Лефевр из Монпелье, а Сэмсон из Нового Орлеана? Я помню десятки случаев, в которых это могло бы сыграть решающую роль.

— Да вы прямо ходячий справочник по преступлениям, — со смехом заметил Стамфорд. — Я бы на вашем месте попробовал издавать газету. Назовите ее «Полицейские вести прошлого».

— И это было бы очень увлекательное чтение, — откликнулся Шерлок Холмс, заклеивая след от укола на пальце маленьким кусочком пластыря. — Мне приходится соблюдать осторожность, — продолжал он с улыбкой, повернувшись ко мне. — Я ведь частенько вожусь с разными ядами. — Он вытянул руку, и я увидел, что вся она залеплена такими же кусочками пластыря и испещрена белесыми пятнышками от попавших на кожу сильных кислот.

— Мы пришли по делу, — заявил Стамфорд, усаживаясь на высокий трехногий табурет и ногой подталкивая ко мне второй. — Моему другу нужна крыша над головой, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, я подумал, что неплохо было бы вас познакомить.

Похоже, Шерлоку Холмсу понравилась перспектива разделить со мной жилище.

— Я присмотрел одну квартиру на Бейкер-стрит, — сказал он. — Лучше и желать нельзя. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

— Я сам курю «Корабельный», — ответил я.

— Замечательно. Обычно я держу дома химические реактивы и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

— Ни в коей мере.

— Дайте-ка сообразить... какие у меня еще недостатки? Иногда на меня нападает хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас обижен. Просто не трогайте меня, и я скоро вернусь в нормальное состояние. Ну а вам есть в чем признаться? Сейчас, пока мы еще не поселились вместе, не мешало бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешила эта взаимная исповедь.

— Я держу щенка бульдога, — сказал я, — и возражаю против шума, потому что у меня расшатаны нервы, и люблю иногда подольше поваляться в постели, и вообще я редкий лентяй. Когда со здоровьем у меня станет получше, появится еще ряд недостатков, но пока эти самые главные.

— А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? — с тревогой спросил он.

— Все зависит от того, как играть, — ответил я. — Хорошая скрипичная музыка — это дар богов. Ну а плохая...

— Тогда все в порядке, — сказал он с довольным смехом. — Думаю, можно считать дело решенным — конечно, если квартира придется вам по вкусу.

— Когда на нее можно будет взглянуть?

— Зайдите за мной сюда завтра в полдень, мы отправимся туда и все уладим, — предложил он.

— Хорошо. Итак, ровно в полдень, — сказал я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса наедине с его химикалиями, мы вдвоем пошли к моей гостинице.

— Кстати, — вдруг сказал я, остановившись и повернувшись к Стамфорду, — как он, черт возьми, угадал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

— Это его маленький секрет, — сказал он. — Многие хотели бы узнать, как он все угадывает.

— Так значит, секрет? — воскликнул я, потирая руки. — Как любопытно! Я вам очень признателен за то, что вы нас свели. «Нам должно человека изучать»¹, верно?

¹ Строка из «Опыта о человеке» Александра Попа.

— Ну-ну, изучайте, — сказал Стамфорд, махнув мне на прощание. — Только это будет непросто. Бьюсь об заклад, что он раскусит вас раньше, чем вы его. До свиданья!

— До свиданья, — ответил я и зашагал к себе в гостиницу, крайне заинтригованный своим новым знакомым.

Глава II ИСКУССТВО ДЕДУКЦИИ

На следующий день мы встретились в условленный час и осмотрели квартиру в доме 221-б по Бейкер-стрит, о которой говорили накануне. В ней была пара удобных спален и светлая, просторная гостиная с двумя широкими окнами и приятной глазу обстановкой. Квартира выглядела столь соблазнительной во всех отношениях, а плата за нее, поделенная между нами, оказалась столь скромной, что мы тут же ударили по рукам и вступили во владение своим новым обиталищем. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а на следующее утро ко мне присоединился и Шерлок Холмс с несколькими ящиками и чемоданами. День-другой мы были заняты тем, что разбирали багаж и подыскивали для каждого предмета самое подходящее место. Затем стали потихоньку обживаться и привыкать к новому окружению.

Холмс был определенно не из тех, с кем трудно наладить совместное существование. Он вел спокойную, размеренную жизнь: ложился спать, как правило, не позднее десяти часов, а по утрам неизменно успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежился в постели. Иногда он проводил дни в химической лаборатории, иногда в прозекторских, а порой совершал долгие прогулки, которые, похоже, заводили его в самые бедные городские кварталы. Когда Холмса охватывал рабочий пыл, его энергия казалась неисчерпаемой, но время от времени наступала реакция, и он с утра до вечера лежал на диване в гостиной, почти не давая себе труда обронить слово или пошевелить пальцем. В подобных случаях я подмечал у него в глазах такое мечтательное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы его в пристрастии к какому-нибудь наркотику, если бы свойственные ему умеренность и чистоплотность не противоречили этой гипотезе со всей очевидностью.

Пробежала неделя за неделей, а мой интерес к личности Холмса и желание узнать, чем он живет, все росли да росли. Сам он, весь его облик были таковы, что мимо него не прошел бы равнодушно самый поверхностный наблюдатель. Ростом шесть футов с лишком, он был настолько худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов апатии, о которых я уже упоминал, а тонкий ястребиный нос придавал его лицу выражение решительности и настороженности. Подбородок, также выступающий вперед и резко очерченный, выдавал непреклонную волю. Его руки были вечно заляпаны чернилами и реактивами, но он умел обращаться с предметами необычайно бережно, что я не раз имел случай отметить, наблюдая, как он возится со своими хрупкими алхимическими приборами.

Наверное, читатель сочтет меня в высшей мере назойливым и бестактным, если я признаюсь, как сильно этот человек возбуждал мое любопытство и как часто я пытался пробиться сквозь барьер сдержанности, за которым он прятал все, что имело к нему непосредственное отношение. Однако прежде чем выносить приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и как мало было у меня развлечений. Слабое здоровье позволяло мне выходить из дому лишь в самые погожие дни, а друзей, которые могли бы нарушить своим визитом однообразие моего существования, у меня не было. Стоит ли удивляться тому, что я так обрадовался тайне, окружавшей моего компаньона, и посвящал столько времени тщетным попыткам ее разгадать!

Он не изучал медицину — он сам сообщил об этом в ответ на прямой вопрос, подтвердив мнение, высказанное Стамфордом. Кроме того, он не выказывал склонности к систематическим занятиям ради получения ученой степени или достижения иных результатов, которые могли бы распахнуть перед ним двери в заманчивый мир науки. Однако его интерес к некоторым ее направлениям был несомненным, и его познания в отдельных, весьма неожиданных сферах изумляли меня своей обширностью и глубиной. Очевидно, никто не стал бы работать с таким усердием и накапливать столь конкретную информацию, не имея он для этого вполне определенной цели. Всеядные читатели редко могут похвастаться подобной осведомленностью в какой бы то ни было области. Никто не станет обре-

менять свою память мелкими деталями, если не имеет на это достаточно веских оснований.

Его невежество было не менее поразительным, чем его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он, по-видимому, не знал почти ничего. Однажды в разговоре с ним я сослался на Томаса Карлейля, и Холмс пренаивнейшим образом спросил, кто он такой и чем отличился. Однако мое изумление достигло апогея, когда я случайно обнаружил, что он не знаком с теорией Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Что цивилизованный человек в девятнадцатом веке может не знать о вращении Земли вокруг Солнца — в это я просто не мог поверить.

— Вы, кажется, удивлены, — сказал он, улыбаясь при виде моего ошеломленного лица. — Но теперь, когда вы поделились со мной этими интересными сведениями, я постараюсь как можно скорее их забыть.

— Забыть?

— Видите ли, — объяснил он, — человеческий мозг представляется мне изначально похожим на маленький пустой чердак, который можно оборудовать по своему желанию. Дурак натащит туда всякого барахла, какое подвернется под руку, а в результате более ценные знания или вовсе окажутся вытеснены, или перемешаются с кучей других вещей — поди отыщи их потом. Искусный же ремесленник отбирает то, что хочет поместить в свой мозг, с большим тщанием. Ему нужны только инструменты, с помощью которых он выполняет свою работу, но их у него множество, и все разложены по полочкам в безупречном порядке. Думать, что у этой маленькой комнатки резиновые стены и их можно растягивать до бесконечности, — серьезная ошибка. Рано или поздно наступит момент, когда в расплату за каждую порцию свежих знаний вам придется что-нибудь забывать. Поэтому чрезвычайно важно не загромождать свой чердак бесполезными фактами, вытесняя при этом полезные.

— Но не знать о Солнечной системе! — возразил я.

— Да на кой черт она мне сдалась? — нетерпеливо перебил он. — Вы говорите, что мы вертимся вокруг Солнца. Но если бы мы вертелись вокруг Луны, это ровным счетом ничего не изменило бы ни для меня, ни для моей работы.

Я хотел было спросить, что же у него за работа, но какая-то нотка в его голосе подсказала мне, что сейчас этот вопрос зада-

вать не стоит. Однако позже, размышляя над нашим кратким разговором, я попытался сделать из него свои выводы. Холмс заявил, что он против бесполезных фактов. Следовательно, все знания, которыми он располагает, ему для чего-то нужны. Я мысленно перечислил разнообразные области, в которых он на моей памяти демонстрировал необычайную осведомленность или отсутствие таковой. Я даже взял карандаш и записал их. Завершив этот труд, я не смог сдержать улыбки. Мой список выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС — ОСОБЕННОСТИ КРУГОЗОРА

1. Знания в области литературы — нет.
2. —“— философии — нет.
3. —“— астрономии — нет.
4. —“— политики — минимальные.
5. —“— ботаники — отрывочные. Прекрасно знаком со свойствами белладонны, опиума и ядов вообще. Полный профан в садоводстве.
6. Знания в области геологии — конкретные, но ограниченные. С первого взгляда отличает друг от друга различные типы почвы. После прогулок показывал мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определял, из какой они части Лондона.
7. Знания в области химии — основательные.
8. —“— анатомии — точные, но бессистемные.
9. —“— криминальной литературы — огромные. Знает, кажется, подробности всех громких преступлений нашего столетия.
10. Хорошо играет на скрипке.
11. Профессионально фехтует и боксирует.
12. Неплохо разбирается в британских законах с практической точки зрения.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии бросил листок в камин. «Да разве можно примирить все эти противоречия и понять, чего хочет человек, обладающий таким странным набором дарований! — подумал я. — Лучше и не пытаться».

Я уже упоминал, что Холмс хорошо владел скрипкой. Он действительно был великолепным музыкантом, однако и здесь ярко проявлялась его эксцентричность. В том, что он может исполнять классические пьесы, и притом весьма трудные, я убе-

дился сам, поскольку по моей просьбе он не раз играл «Песни» Мендельсона и прочие любимые мною произведения. Однако, предоставленный самому себе, он редко извлекал из своего инструмента что-то похожее на обычную музыку или хотя бы просто на мелодию. Вечером, устроившись в кресле, он закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам, оперев скрипку о колено. Иногда при этом раздавались звучные, печальные аккорды. Порой их сменяли причудливые наигрыши, в которых сквозило отчаянное веселье. Очевидно, эта неординарная музыка была как-то связана с занимавшими его мыслями, но помогала ли она их течению или, наоборот, рождалась под влиянием капризов его воображения, я определить не умел. Наверное, я взбунтовался бы против этих режущих ухо концертов, если бы под конец он обычно не проигрывал подряд несколько моих любимых пьес, словно извиняясь за то, что так долго испытывал мое терпение.

В течение первой недели к нам никто не заглядывал, и я стал подумывать, что у моего компаньона не больше друзей, чем у меня. Но вскоре я убедился, что у него полным-полно знакомых, причем из самых разных слоев общества. Щуплый человек с крысиной физиономией и темными глазками, побывавший у нас трижды или четырежды на протяжении одной недели, был представлен мне как мистер Лестрейд. Как-то утром пришла модно одетая девица и задержалась на полчаса или более. В тот же день, ближе к вечеру, явился потрепанный седовласый господин, похожий на уличного торговца-еврея, — кажется, он был очень взволнован, — а вслед за ним в нашу дверь постучалась неряшливая пожилая женщина. В другой раз с моим компаньоном имел беседу какой-то почтенный старик, а следующим визитером стал вокзальный носильщик в форменном костюме. Как только на нашем пороге появлялась очередная странная личность, Шерлок Холмс просил разрешения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. Он всегда извинялся передо мной за причиненное неудобство. «Что делать, я вынужден использовать эту комнату как свой кабинет, — как-то сказал он. — Эти люди — мои клиенты». И снова у меня была возможность задать прямой вопрос, и снова из соображений такта я решил промолчать. В ту пору мне казалось, что у него есть серьезные причины держать свои занятия в тайне, однако вскоре он развеял это заблуждение, заговорив на интересующую меня тему по собственному почину.

Это произошло в марте, четвертого числа, — дата, которую я запомнил надолго. Встав несколько раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не закончил с завтраком. Хозяйка нашей квартиры привыкла к тому, что я долго сплю, а потому не поставила мне прибор и не сварила кофе. Раздраженный без всякой причины, как это частенько бывает с людьми, я дернул веревочку звонка и лаконично сообщил, что голоден. Затем взял со столика журнал и принялся листать его, чтобы скоротать время. Мой компаньон молча жевал гренки. Заглавие одной статьи было отмечено карандашом, и я, естественно, начал ее просматривать.

Она называлась довольно претенциозно — «Книга жизни», — и ее автор рассказывал о том, как много может узнать наблюдательный человек, если будет подробно и систематически анализировать все, что попадает ему на глаза. Статья показалась мне причудливой смесью проницательных и нелепых суждений. Автор писал внятно и логично, однако его выводы, с моей точки зрения, были слишком уж натянутыми и преувеличенными. Он утверждал, что по мгновенному выражению лица, по одному сокращению мускула или мимолетному взгляду можно угадать сокровенные мысли человека. Если вы приучили себя наблюдать и сопоставлять, говорил он, то вас практически невозможно обмануть. Ваши заключения будут неопровержимыми, как теоремы Эвклида. И результаты вашего анализа покажутся непосвященному столь поразительными, что, если вы не объясните, каким образом их получили, он будет смотреть на вас как на чародея.

«По одной капле воды, — писал автор, — человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Ниагарского водопада или Атлантического океана, даже если он никогда их не видел и ничего о них не слышал. Вся жизнь — гигантская цепь, о природе которой мы можем судить по единственному ее звену. Подобно всем прочим искусствам, умение наблюдать и делать выводы приобретается только путем долгих и упорных упражнений, и наш земной век слишком короток, чтобы овладеть этим умением в совершенстве. Прежде чем обратиться к тем его моральным и интеллектуальным аспектам, которые представляют собой наибольшие трудности, желающий добиться успеха в этом деле должен научиться решать задачи попроще. Для начала пусть он попробует, взглянув на случайного прохожего, сразу определить основные черты его био-

графии и профессию, которой он себя посвятил. Хотя это занятие может показаться детской забавой, оно обостряет способность к наблюдению и учит, куда надо смотреть и что искать. Ногти человека, его рукава, ботинки, брюки на коленях, мозоли на большом и указательном пальцах, выражение лица, манжеты рубашки — все это явственно говорит о том, какая у него профессия. По крайней мере, почти невозможно представить себе, чтобы, глядя на все это, опытный наблюдатель не сумел сделать достоверных выводов».

— Какой несусветный вздор! — воскликнул я, хлопнув журналом об стол. — В жизни не читал подобной чепухи!

— О чем это вы? — поинтересовался Шерлок Холмс.

— Да вот об этой статье, — сказал я, ткнув в нее ложкой, и принялся за свое яйцо. — Я вижу, вы ее уже прочли, раз она помечена. Написано бойко, что и говорить. Но все равно, меня такие штучки бесят! Совершенно ясно, что это писал какой-то книжный червяк, любитель сочинять изящные парадоксы в тиши своего кабинета. Но какой прок в его теориях? Запихнуть бы этого умника в вагон третьего класса подземки и предложить ему угадать профессии пассажиров — готов поставить тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

— И вы проиграете, — спокойно заметил Холмс. — А статью написал я.

— Вы?

— Да. У меня есть склонность к наблюдению и анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая показалась вам столь далекой от жизни, на самом деле весьма полезна — полезна настолько, что с ее помощью я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

— Как это? — невольно вырвалось у меня.

— Видите ли, у меня редкая профессия. Возможно, я единственный ее представитель на всем белом свете. Я сыщик-консультант, если вы понимаете, что это такое. У нас в Лондоне множество сыщиков — одни состоят на государственной службе, другие работают частным образом. Когда эти люди заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я стараюсь навести их на верный след. Они излагают мне факты, и, поскольку я неплохо знаком с историей преступлений, мне обыкновенно удается извлечь из них что-нибудь путное. Многие злодеяния сходны между собой, и если вы хорошо помните обстоятельства тысячи уголовных дел, вам не так уж

трудно распутать тысяча первое. Лестрейд — очень известный сыщик. Недавно он запутался в одной истории о подложных документах, и это привело его сюда.

— А остальные ваши гости?

— Как правило, их присылают ко мне частные детективные агентства. Все это люди, попавшие в беду; им нужно пролить свет на то, что с ними случилось. Я выслушиваю их рассказы, они выслушивают мое заключение, и я кладу в карман гонорар.

— Не хотите ли вы сказать, что, не покидая этой комнаты, можете распутать узел, над которым тщетно бьются другие — те, кто видел все подробности своими глазами?

— Именно так. Мне помогает своего рода интуиция. Впрочем, иногда бывают случаи посложнее — тогда приходится побегать, чтобы во всем разобраться. Не забывайте, что в моем распоряжении имеется уйма специальных знаний, а это значительно упрощает дело. Правила дедукции, изложенные в статье, о которой вы отозвались с таким презрением, — бесценный инструмент в моей работе. Наблюдение давно стало моей второй натурой. Помните, как вы удивились в день нашего знакомства, когда я сказал, что вы приехали из Афганистана?

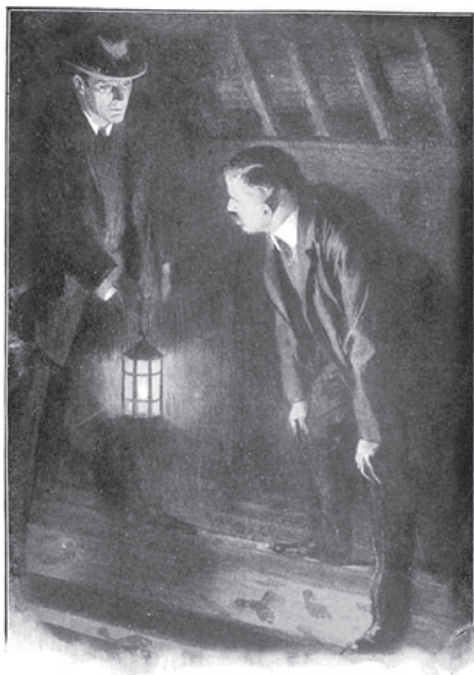
— Очевидно, кто-то вам об этом сообщил.

— Ничего подобного. Я был уверен, что вы прибыли из Афганистана. Благодаря долгой практике цепочка умозаключений складывается в моем мозгу настолько стремительно, что я сделал окончательный вывод, даже не замечая промежуточных шагов. Но они были, эти шаги. Я рассуждал примерно так: «Этот джентльмен похож на врача, но выправка у него армейская. Стало быть, военный врач. Он только что вернулся из тропиков, потому что лицо у него смуглое, но это не природный цвет его кожи, поскольку запястья у него гораздо светлее. Судя по его худобе, он побывал в серьезных передрягах и перенес тяжелую болезнь. Левая рука у него повреждена: он держит ее слегка неестественно. Где же именно в тропиках английский военный врач мог перенести столько невзгод и получить ранение в руку? Очевидно, в Афганистане». Весь ход мыслей не занял у меня и секунды. Потом я сказал, что вы приехали из Афганистана, и вы удивились.

— После ваших объяснений все кажется очень простым, — улыбнулся я. — Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я думал, такие люди бывают только в книгах.

Шерлок Холмс поднялся с кресла и раскурил трубку.

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ

Глава I СУТЬ ДЕДУКТИВНОГО МЕТОДА ХОЛМСА

Шерлок Холмс взял с каминя пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несессера шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Некоторое время, но недолго, он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом вонзил острие и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнул.

Три раза в день в течение многих месяцев я был свидетелем одной и той же сцены, но не мог к ней привыкнуть. Наоборот, я с каждым днем чувствовал все большее раздражение и мучился, что у меня не хватает смелости протестовать. Снова и снова я

давал себе клятву сказать моему другу, что я думаю о его привычке, но его холодная, бесстрастная натура пресекала всякие поползновения наставить его на путь истинный. Зная его выдающийся ум, властный характер и другие исключительные качества, я робел, и язык прилипал у меня к гортани.

Но в тот день, то ли благодаря кларету, выпитому за завтраком, то ли в порыве отчаяния, овладевшего мной при виде неисправимого упрямства Холмса, я не выдержал и взорвался.

— Что сегодня, — спросил я, — морфий или кокаин?

Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом.

— Кокаин, — ответил он. — Семипроцентный. Хотите попробовать?

— Благодарю покорно! — отрезал я. — Мой организм еще не вполне оправился после афганской кампании. И я не хочу подвергать его лишней нагрузке.

Холмс улыбнулся моему возмущению.

— Возможно, вы правы, Уотсон, — сказал он. — И наркотики вредят здоровью. Но зато я открыл, что они удивительно стимулируют умственную деятельность и проясняют сознание. Так что их побочным действием можно пренебречь.

— Но подумайте, — горячо воскликнул я, — какую цену вы за это платите! Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губительный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и в конце концов к слабоумию. Вы ведь очень хорошо знаете, какая потом наступает реакция. Нет, Холмс, право же, игра не стоит свеч! Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким природа наделила вас? Поймите, я говорю с вами не просто как приятель, а как врач, отвечающий за здоровье своего пациента.

Шерлок Холмс не обиделся. Наоборот, наш разговор, казалось, развлекал его.

— Мой мозг, — сказал он, опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев, — бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя

свою уникальную профессию, точнее, создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете.

— Единственный на весь мир частный детектив? — спросил я, поднимая брови.

— Единственный частный детектив-консультант, — ответил Шерлок Холмс. — Последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс в тупике — а это их нормальное состояние, — они немедленно зовут меня. Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю свое мнение, мнение специалиста. Я не ишу славы. Когда мне удастся распутать дело, мое имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод. Вы, Уотсон, хорошо его знаете. Вспомните хотя бы дело Джефферсона Хоупа.

— Да, помню, — ответил я, смягчаясь. — Интереснейший случай. Я даже написал о нем нечто вроде повести под интригующим названием: «Этюд в багровых тонах».

— Я видел вашу повесть, — без энтузиазма покачал головой Холмс. — И, должен признаться, не могу поздравить вас с успехом. Расследование преступления — точная наука, по крайней мере должна ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно что в рассуждение о пятом постулате Евклида включить пикантную любовную историю.

— Но там действительно была романтическая история! — запротестовал я. — Я просто строго придерживался фактов.

— Кое о чем можно было и умолчать или хотя бы соблюдать меру в изложении фактов. Единственное, что заслуживает внимания в этом деле, — цепь рассуждений от следствия к причине. Это и привело к успешному раскрытию дела.

Меня рассердили эти слова — ведь я описал дело Холмса, чтобы сделать ему приятное. И еще меня раздражал его эгоизм, в угоду которому надо было бы каждую строку моей книжки посвятить его бесценному методу. Прожив с моим другом на Бейкер-стрит несколько лет, я не раз подмечал в нем некоторое тщеславие, скрывавшееся под его обычной сдержанной и наставительной манерой. Однако я ничего не ответил ему, а сидел, покачивая больной ногой, из которой не так давно извлекли пулю, выпущенную из афганского ружья, и, хотя рана не мешала ходить, нога к перемене погоды всякий раз ныла.

— С недавних пор я стал участвовать в раскрытии преступлений на континенте, — сказал немного погодя Холмс, набивая свою любимую эпиковую трубку. — На прошлой неделе ко мне обратился за советом Франсуа ле Виллар, который, как вы, вероятно, знаете, выдвинулся за последнее время в число лучших сыщиков Франции. Он обладает замечательно быстрой интуицией, свойственной кельтской расе, но для первоклассного сыщика он недостаточно сведущ в специальных областях нашего искусства. Дело касалось одного завещания и содержало несколько интересных деталей. Я напомнил Виллару два подобных случая — один расследовался в 1857 году в Риге, другой — в 1871-м в Сент-Луисе. И это дало ему ключ к решению. Сегодня утром я получил от него письмо, в котором он благодарит меня за помощь.

Говоря это, он протянул мне сложенный вдвое лист бумаги иностранного производства, который, как я заметил, пестрел словами: *magnifique, soup de maître et tours de force*¹, свидетельствующими о горячем восхищении француза.

— Он пишет вам, как ученик учителю, — сказал я.

— Он переоценивает мою помощь, — заметил Холмс безразлично. — Он сам очень способный человек и обладает по меньшей мере двумя из трех качеств, необходимых идеальному детективу: он умеет наблюдать и на основе наблюдений строить выводы. Ему пока еще не хватает знаний, но со временем и это придет. Он сейчас переводит на французский мои брошюры.

— А вы разве пишете?

— Есть грех, — рассмеялся Холмс. — Я написал несколько небольших работ. Одна из них под названием «Определение сортов табака по пеплу» описывает сто сорок сортов сигарного, сигаретного и трубочного табака. К ней приложены цветные фотографии, показывающие разные виды пепла. Табачный пепел — одна из самых частых улик. Иногда очень важная. Если, например, вы можете точно сказать, что человек, совершивший убийство, курит индийский табак, то круг поисков, естественно, сужается. Для опытного глаза разница между черным пеплом трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» так же велика, как между картошкой и капустой.

¹ Великолепно, мастерски, гениально (*фр.*).

— У вас поразительная способность замечать мелочи, — сказал я.

— Просто я понимаю их важность. Или вот еще работа об отпечатках следов, в ней говорится об использовании гипса для сохранения отпечатка. Одно небольшое исследование посвящено влиянию профессий на форму руки, в нем даны литографии рук кровельщика, моряка, пробочника, композитора, ткача и шлифовальщика алмазов. Это исследование представляет собой большой практический интерес для детектива, относящегося к своей профессии как к науке. Оно особенно полезно, когда нужно опознать труп или определить занятие преступника. Но я вижу, что злоупотребляю вашим терпением, оседлав любимого конька.

— Нисколько! — горячо запротестовал я. — Мне все это в высшей степени интересно, особенно потому, что я своими глазами видел практическое применение ваших знаний. Вот вы упомянули сейчас умение наблюдать и умение делать выводы. А мне казалось, что это — почти одно и то же.

— Нет, это разные вещи, — ответил Шерлок Холмс, с наслаждением откидываясь на мягкую спинку кресла и выпуская из трубки толстые сизые кольца дыма. — Вот, например, наблюдение показало мне, что утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а умение логически мыслить позволило сделать вывод, что вы ходили туда посылать телеграмму.

— Поразительно! — воскликнул я. — Вы правы. Но должен признаться, я не понимаю, как вы догадались. Я зашел на почту случайно и не помню, чтобы кому-нибудь говорил об этом.

— Проще простого, — улыбнулся Шерлок Холмс моему недоумению. — Так просто, что и объяснять нечего. Хотя, пожалуй, на этом примере я смог бы показать вам разницу между умением наблюдать и умением строить умозаключения. Наблюдение показало мне, что подошвы ваших ботинок испачканы красноватой глиной. А у самой почты на Уигмор-стрит как раз ведутся земляные работы. Земля вся разрыта, и войти на почту, не испачкав ног, невозможно. Глина там особого, красноватого цвета, какой поблизости нигде больше нет. Вот что дало наблюдение. Остальное я вывел логическим путем.

— А как вы узнали, что я посылал телеграмму?

— Тоже просто. Мне известно, что утром вы не писали никаких писем, ведь я все утро сидел напротив вас. А в открытом ящике вашего бюро я заметил толстую пачку почтовых откры-

ток и целый лист марок. Для чего же тогда идти на почту, как не за тем, чтобы послать телеграмму? Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина.

— Действительно, все очень просто, — сказал я, помолчав. — Но случай этот, как вы сами заметили, простейший. Извините мою назойливость, но мне хотелось бы подвергнуть ваш метод более серьезному испытанию.

— Я буду очень рад. Это избавит меня от лишней дозы кокаина. Дайте мне любую задачу по вашему усмотрению.

— Я помню, вы говорили, что, когда долго пользуются вещью, на ней обязательно остается отпечаток личности ее владельца. И опытный глаз многое может по ней прочесть. У меня есть часы, они попали ко мне недавно. Будьте так добры, скажите, пожалуйста, каковы были привычки и характер их последнего хозяина?

Я протянул ему часы, признаться, не без тайного удовольствия, ибо, на мой взгляд, задача была неразрешима, а мне хотелось немножко сбить спесь с моего приятеля, чей нравоучительный и не допускающий возражений тон меня иногда раздражал. Он подержал часы в руке, как бы взвешивая их, внимательно рассмотрел циферблат, потом открыл крышку и стал разглядывать механизм, сперва просто так, а потом вооружившись сильной двояковыпуклой лупой. Я едва удержался от улыбки, когда Холмс, щелкнув крышкой, с разочарованным видом протянул мне часы.

— Почти ничего нельзя сказать, — проговорил он. — Часы недавно побывали у мастера. Он их тщательно почистил. Так что я лишен возможности утверждать что-нибудь наверняка.

— Вы правы, — ответил я. — Перед тем как попасть ко мне, они действительно побывали у часовщика.

Мысленно я упрекнул моего приятеля за то, что он свою неудачу объяснил такой неубедительной отговоркой. Интересно, что можно прочесть по нечищеным часам?

— Хотя я и не могу похвастаться результатами, но все-таки я в них кое-что увидел, — сказал он, устремив в потолок отрешенный взгляд. — Если я ошибусь, поправьте меня, пожалуйста, Уотсон. Так вот, часы, по-моему, принадлежали вашему старшему брату, а он унаследовал их от отца.

— Вас, конечно, навели на эту мысль буквы «Г. У.», выгравированные на крышке?

— Именно. Ваша фамилия ведь начинается на «У», не так ли? Часы были сделаны полстолетия назад, инициалы выгравированы почти в то же время. Из этого я заключил, что часы принадлежали человеку старшего поколения. Семейные драгоценности, насколько мне известно, переходят от отца к старшему сыну. Вполне вероятно, что вашего брата звали так же, как вашего отца. А ваш отец, если мне не изменяет память, умер много лет назад. Стало быть, до вас ими владел ваш брат.

— Да, пока все правильно, — заметил я. — А что еще вы увидели в этих часах?

— Ваш брат был человек очень беспорядочный, легкомысленный и неаккуратный. Он унаследовал приличное состояние, перед ним было будущее. Но он все промотал, жил в бедности, хотя порой ему и улыбалась фортуна. В конце концов он спился и умер. Вот и все, что удалось мне извлечь из часов.

Расстроенный, я вскочил со стула и, хромая, зашагал по комнате.

— Это, Холмс, в высшей степени некрасиво с вашей стороны. Вы каким-то образом проведали о судьбе моего несчастного брата, а теперь делаете вид, что вам это стало известно каким-то чудом только сейчас. Я никогда не поверю, что все это рассказали вам какие-то старые часы. Это жестоко и, уж если на то пошло, отдает шарлатанством!

— Мой дорогой Уотсон, — сказал мягко Холмс, — простите меня, ради бога. Решая вашу задачу, я забыл, как близко она вас касается, и не подумал, что упоминание о вашем брате будет тяжело для вас. Но, уверяю вас, я ничего не знал о существовании вашего брата до той минуты, пока не увидел часы.

— Тогда объясните мне, как вы все это узнали. Ваш рассказ о моем брате соответствует действительности до мельчайших подробностей.

— Счастливое совпадение. Я мог только предполагать с той или иной степенью вероятности, но оказалось, что так все и было.

— Но это не просто догадка?

— Разумеется, нет. Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует губительно на способность логически мыслить. Вы поражены, потому что не видите хода моих мыслей, а мелкие факты для вас не существуют. А ведь именно на них, как правило, строится рассуждение. Вот, например, мой первый вывод — что вашему брату была несвойственна аккуратность.

Если вы внимательно рассмотрите тыльную сторону часов, то заметите, что футляр не только в двух местах помят, но и сильно поцарапан чем-то твердым, например ключом или монетами, которые ваш брат носил в одном кармане с часами. Ясно, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что человек, обращающийся с часами, стоящими пятьдесят гиней, таким беспардонным образом, аккуратностью не отличается. Нетрудно также сообразить, что если человек получил по наследству такие дорогие часы, то, значит, и само наследство было не маленькое.

Я кивнул, чтобы показать, что слушаю его со вниманием.

— В английском ломбарде, когда берут в залог часы, номер квитанции обычно наносят иглой на внутреннюю сторону крышки. Это гораздо удобнее всяких ярлыков. Нет опасности, что ярлык потеряется или что его подменят. На этих часах я разглядел при помощи лупы не менее четырех таких номеров. Вывод — ваш брат часто оказывался на мели. Второй вывод — время от времени ему удавалось поправить свои дела, иначе он не смог бы выкупить заложенные часы. Наконец, взгляните на нижнюю крышку, в которой отверстие для ключа. Смотрите, сколько царапин, это следы ключа, которым не сразу попадают в отверстие. У человека непьющего таких царапин на часах не бывает. У пьяниц они есть всегда. Ваш брат заводил часы поздно вечером, и вон сколько отметин оставила его нетвердая рука. Что же во всем этом чудесного и таинственного?

— Да, теперь и я вижу, что все очень просто. И сожалею, что был несправедлив. Я должен был больше доверять вашим исключительным способностям. Можно мне задать один вопрос: есть ли у вас сейчас на руках какое-нибудь интересное дело?

— Нет. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без напряженной умственной работы. Исчезает цель жизни. Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадежен мир! Посмотрите, как желтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально? Какая польза от исключительных способностей, доктор, если нет возможности применять их? Преступление скучно, существование скучно, ничего не осталось на земле, кроме скуки.

Я открыл было рот, чтобы возразить на его тираду, но в дверь громко постучали, и в комнату вошла хозяйка, неся на медном подносе визитную карточку.

— Вас спрашивает молодая девушка, сэр, — обратилась хозяйка к моему другу.

— Мисс Мэри Морстен, — ответил он. — Хм, это имя мне незнакомо. Пригласите, пожалуйста, мисс Морстен войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я хочу, чтобы вы остались.

Глава II МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ДЕЛОМ

Мисс Морстен вошла в комнату легким, уверенным шагом, держась спокойно и непринужденно. Это была совсем молодая девушка, блондинка, хрупкая, изящная, одетая с безупречным вкусом и в безупречно чистых перчатках. Но в ее одежде была заметна та скромность, если не простота, которая наводит на мысль о стесненных обстоятельствах. На ней было платье из темно-серой шерсти, без всякой отделки, и маленькая шляпка того же серого тона, которую слегка оживляло белое перышко сбоку. Лицо ее было бледно, а черты не отличались правильностью, но зато выражение этого лица было милое и располагающее, а большие синие глаза светились одухотворенностью и добротой. На своем веку я встречал женщин трех континентов, но никогда не доводилось мне видеть лица, которое так ясно свидетельствовало бы о благородстве и отзывчивости души. Когда мисс Морстен садилась на стул, который Холмс предложил ей, я заметил, что руки и губы ее дрожат — видимо, от сильного внутреннего волнения.

— Я пришла именно к вам, мистер Холмс, — начала наша гостья, — потому что это вы помогли моей хозяйке миссис Сесил Форрестер распутать одну семейную историю. Она до сих пор не может забыть вашу доброту и ваш ум.

— Миссис Сесил Форрестер? — повторил задумчиво Холмс. — Помню, что мне действительно удалось немного помочь ей. Случай, однако, был весьма простой.

— Миссис Форрестер о нем другого мнения. Но зато о деле, которое привело меня к вам, вы этого не скажете. Трудно вообразить себе ситуацию более странную и необъяснимую, чем та, в которой я очутилась.

Холмс потер руки, и глаза у него заблестели. Он подался вперед на своем кресле, его резко очерченные, ястребиные черты приняли выражение самого напряженного внимания.

— Изложите ваше дело, — сказал он сухим, деловым тоном. Я почувствовал себя неловко и, поднимаясь со стула, сказал:

— С вашего позволения я покину вас?

К моему удивлению, мисс Морстен остановила меня, подняв затянутую в перчатку руку.

— Если ваш друг останется, — сказала она, — он окажет мне неоценимую услугу.

Я опять сел, мисс Морстен продолжала:

— Вкратце дело состоит в следующем. Мой отец служил офицером в одном полку в Индии. Когда я была совсем маленькой, он отправил меня в Англию. Мать моя умерла, родственников в Англии у нас не было, и отец поместил меня в один из лучших частных пансионов в Эдинбурге. Там я воспитывалась до семнадцати лет. В 1878 году мой отец, бывший в то время старшим офицером полка, получил годичный отпуск и приехал в Англию. Он дал мне телеграмму из Лондона, что доехал благополучно, остановился в гостинице «Лэнем» и очень ждет меня. Каждое слово в телеграмме — я очень хорошо помню ее — дышало отцовской любовью и заботой. Приехав в Лондон, я прямо с вокзала отправилась в гостиницу. Там мне сказали, что капитан Морстен действительно остановился у них, но что накануне вечером он ушел куда-то и до сих пор не возвращался. Весь день я ждала от него известий. Вечером по совету администратора гостиницы я обратилась в полицию. На следующий день во всех газетах появилось объявление об исчезновении моего отца, на которое мы не получили никакого ответа. С того самого дня и до сих пор я ни слова не слыхала о моем несчастном отце. Он вернулся в Англию, мечтая увидеть дочь, отдохнуть, пожить счастливой, спокойной жизнью, а вместо этого... — Мисс Морстен прижала руку к горлу, и сдвоенное рыдание оборвало на полуслове фразу.

— Когда это случилось? — спросил Холмс, открывая записную книжку.

— Мой отец исчез 3 декабря 1878 года, почти десять лет назад.

— А его вещи?

— Они остались в гостинице. В них не было ничего, что могло бы раскрыть тайну его исчезновения: одежда, книги, много редких вещиц с Андаманских островов. Отец служил офицером в части, несшей охрану тюрьмы.

— Были ли у него в Лондоне друзья?

— Я знала только одного — майора Шолто. Они служили вместе в тридцать четвертом Бомбейском пехотном полку. Майор вышел в отставку, вернулся в Англию незадолго до приезда моего отца и поселился в Аппер-Норвуде. Мы, конечно, связались с ним, но он, оказывается, даже не слышал о возвращении своего друга.

— Очень странное дело, — заметил Холмс.

— Но самое интересное впереди. Шесть лет назад, именно 4 мая 1882 года, в «Таймсе» появилось объявление о том, что разыскивается мисс Морстен, адрес просили в ее интересах сообщить в «Таймс». Я тогда только что поступила на место компаньонки к миссис Сесил Форрестер. Она посоветовала мне послать мой адрес в отдел объявлений. И в тот же день, как адрес появился в газете, я получила по почте посылку — небольшую картонную коробочку. В ней оказалась очень крупная и красивая жемчужина, но никакой даже самой маленькой записки, объясняющей, от кого подарок, в посылке не было. И с тех пор каждый год в один и тот же день я получала по почте точно такую коробку с точно таким жемчугом без всякого указания, кто отправитель. Я показывала жемчуг ювелиру, и он сказал, что это редкий и дорогой сорт. Вы и сами сейчас увидите, как он красив.

Мисс Морстен открыла плоскую коробочку: там было шесть превосходных жемчужин, каких я никогда не видел.

— Очень интересно, — проговорил Шерлок Холмс. — А не произошло ли с вами еще чего-нибудь?

— Да, не далее как сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Утром я получила вот это письмо. Прочитайте его.

— Спасибо, — сказал Холмс, беря письмо. — И конверт, пожалуйста. На штемпеле — Лондон, Юго-Запад, седьмое июля. Гм! В углу — отпечаток мужского большого пальца. Вероятно, почтальона. Бумага самого лучшего качества. Конверт — шесть пенсов за пачку. Человек со вкусом, по крайней мере в этом отношении. Обратного адреса нет. «Будьте сегодня вечером у третьей колонны, слева у входа в театр «Лицеум». Если вы боитесь, возьмите с собой двух друзей. С вами поступили несправедливо. Это должно быть исправлено. Полиции не сообщайте. Если вмешается полиция, все рухнет. Ваш доброжелатель». Н-да, действительно! Отличная, превосходнейшая загадка! Что вы собираетесь делать, мисс Морстен?

— Это как раз я и хотела у вас спросить.

— Тогда, конечно, сегодня вечером мы едем куда указано в письме. Вы, я и, конечно, доктор Уотсон. Он самый подходящий для этого человек. Ваш незнакомый доброжелатель пишет, чтобы вы привели с собой двоих друзей. А мы с Уотсоном уже не раз работали вместе.

— А доктор Уотсон согласится пойти? — спросила мисс Морстен, и я услышал в ее голосе чуть ли не мольбу.

— Почту за честь и особое счастье, — сказал я горячо, — если смогу быть вам полезен!

— Вы оба так добры ко мне, — ответила мисс Морстен. — Я живу очень уединенно, у меня нет друзей, на чью помощь я могла бы рассчитывать. Так я приду к вам к шести. Это не будет поздно?

— Только не опаздывайте, — ответил Холмс. — У меня к вам еще один вопрос. Скажите, это письмо написано тем же почерком, что и адрес на коробках с жемчужинами?

— Они у меня с собой, — ответила мисс Морстен, вынимая из сумочки несколько листов оберточной бумаги.

— Вы идеальный клиент. У вас хорошая интуиция. Ну посмотрим.

Он разложил листы на столе и стал внимательно разглядывать один за другим.

— Почерк везде, кроме письма, изменен, — сказал он вскорее. — Но никакого сомнения: все адреса и письмо написаны одним человеком. Смотрите: «е» везде одинаково, обратите также внимание, как изогнуто конечное «s». И там и здесь видна одна рука. Я не хотел бы заронить в вас ложную надежду, но скажите, мисс Морстен, нет ли сходства между этим почерком и рукой вашего отца?

— Никакого.

— Я так и думал. Так, значит, мы ждем вас в шесть. Позвольте мне оставить у себя все эти бумаги. Я еще подумаю о вашем деле. Время у нас есть. Сейчас только половина четвертого. До свидания.

— До свидания, — ответила наша гостья и, спрятав коробочку с жемчужинами за корсаж и взглянув на нас обоих добрыми, ясными глазами, ушла. Стоя у окна, я смотрел, как она удалялась легким, быстрым шагом, пока серая шляпка и белое перышко не затерялись в серой толпе.

— Какая очаровательная девушка! — воскликнул я, повернувшись к моему другу.

Холмс опять разжег свою трубку и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

— Очаровательная? — переспросил он апатично. — Я не заметил.

— Нет, Холмс, вы не человек, вы арифмометр! — воскликнул я. — Вы иногда просто поражаете меня!

Холмс мягко улыбнулся:

— Самое главное — не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ваши выводы. Клиент для меня — некоторое данное, один из компонентов проблемы. Эмоции враждебны чистому мышлению. Поверьте, самая очаровательная женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за убийство своих троих детей. Она отравила их, чтобы получить деньги по страховому полису. А самую отталкивающую наружность среди моих знакомых имел один филантроп, истративший почти четверть миллиона на лондонских бедняков.

— Но на сей раз...

— Я никогда не делаю исключений. Исключения опровергают правило. Послушайте, Уотсон, вам когда-нибудь приходилось заниматься изучением характера по почерку? Что вы можете сказать об этом?

— Почерк разборчивый и правильный, — ответил я, — по-видимому, принадлежит человеку деловому и с сильным характером.

Холмс покачал головой.

— Посмотрите на высокие буквы, — сказал он. — Они едва выступают над строчкой: «d» можно принять за «a», а «l» — за «e». Человек с сильным характером может писать очень неразборчиво, но высокие буквы у него действительно высокие. Наш корреспондент букву «k» везде пишет по-разному, а заглавные буквы таковы, что можно предположить в его характере амбицию. Ну, ладно, я ухожу. Мне надо навести кое-какие справки. Рекомендую почитать в мое отсутствие эту книгу — замечательное произведение. «Мученичество человека» Уинвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сидел возле окна с книгой в руках, но мысли мои были далеко от смелых рассуждений автора. Я вспоминал нашу недавнюю посетительницу — ее улыбку, красивый грудной голос. Необъяснимая тайна омрачила ее жизнь. Ей было семнадцать

лет, когда исчез ее отец, значит, сейчас ей двадцать семь — прекрасный возраст, когда робкая застенчивость юности уже прошла и жизнь уже немного остудила голову. Так я сидел и размышлял, пока мои мысли не приняли столь опасное направление, что я поспешил за письменный стол и яростно набросился на только что появившийся курс патологии. Как я мог, простой армейский хирург с простреленной ногой и тощим кошельком, как осмелился мечтать о подобных вещах? Она была неким данным, одним из компонентов проблемы — ничего больше. Если будущее мое черно, то лучше думать о нем с холодным спокойствием, как подобает мужчине, а не расцветивать его пустой игрой воображения.

Глава III В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

Холмс возвратился в половине шестого. Он был оживлен, весел и бодр — так обычно сменялись его приступы черной меланхолии.

— В этом деле нет ничего загадочного, — сказал он, беря из моих рук чашку чаю, которую я ему налил. — Факты, по-видимому, допускают только одно объяснение.

— Вы уже нашли разгадку?!

— Ну, это еще рано утверждать. Пока я нашел одну чрезвычайно важную деталь. Она позволяет предположить многое, но многое еще предстоит и выяснить. Я только что обнаружил, просмотрев подшивку «Таймса», что майор Шолто из Аппер-Норвуда, служивший в тридцать четвертом Бомбейском пехотном полку, умер 28 апреля 1882 года.

— Вы, вероятно, Холмс, сочтете меня тупицей, но я не вижу в этом ничего особенного.

— Не видите? Вы поражаете меня, Уотсон. Ну, ладно, посмотрим на дело с другой стороны. Итак, капитан Морстен исчез. Единственный человек в Лондоне, кого он мог навесить, — майор Шолто. Но майор Шолто сказал, что о приезде Морстена в Англию ничего не слышал. А через четыре года майор умирает. Проходит неделя после его смерти, и дочка капитана Морстена получает ценный подарок. Через год еще один, потом еще. И так несколько лет подряд, пока не приходит письмо, где сказано, что с ней поступили несправедливо.

Это, безусловно, намек на исчезновение ее отца. Зачем бы наследники Шолто стали посылать ей драгоценные подарки, если бы они не знали какой-то тайны и если бы не хотели за что-то вознаградить мисс Морстен? Можете ли вы как-нибудь по-другому объяснить и связать воедино все эти факты?

— Но какое странное вознаграждение! И в какой странной форме оно предложено! Почему он прислал свое письмо сейчас, а не шесть лет назад? Кроме того, в письме говорится, что несправедливость должна быть заглажена. Какая несправедливость? Ведь не может же быть, что отец ее жив. Значит, он имеет в виду что-то другое.

— Да, в этой истории есть еще темные места, — задумчиво проговорил Холмс. — Но наша сегодняшняя поездка все объяснит. А вот и мисс Морстен. Слышите, подъехал кеб. Вы готовы? Тогда идемте. Уже седьмой час.

Я взял шляпу и свою самую толстую трость. Холмс, я заметил, достал из ящика письменного стола револьвер и сунул его в карман. Было ясно, что нашу ночную поездку он считает делом серьезным.

На мисс Морстен был темный плащ, ее милое лицо было бледно, но спокойно. Она не была бы представительницей слабого пола, если бы наше странное путешествие не вызвало у нее тревоги, но самообладание ее было поразительно, и она охотно отвечала на вопросы Шерлока Холмса.

— Майор Шолто был очень близкий друг моего отца. В своих письмах отец неизменно упоминал о майоре. Они вместе служили офицерами в охранных войсках на Андаманских островах и, таким образом, много времени проводили вместе. Между прочим, в письменном столе отца был найден один очень странный документ. Никто не мог понять, что это такое. Я не знаю, имеет ли он к этой истории отношение, но на всякий случай захватила его с собой. Может быть, вам будет интересно взглянуть на него. Вот он.

Холмс развернул сложенный в несколько раз лист бумаги и осторожно разгладил его у себя на коленях. Затем с помощью лупы он стал очень тщательно рассматривать его.

— Бумага сделана в Индии, — сказал он. — Какое-то время лист был приколот кнопками к доске. На нем набросан план одного крыла какого-то большого дома с многочисленными комнатами, коридорами и переходами. В одном месте красными чернилами поставлен крестик, над ним полуистершаяся

надпись карандашом «3,37 слева». В левом углу странный иероглиф, похожий на четыре написанных в ряд креста, перекладины которых соприкасаются, за ним грубым, размашистым почерком стоит: «Знак четырех — Джонатан Смолл, Мохаммед Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Не понимаю, какое это может иметь отношение к вашей истории? Однако, по-видимому, это важный документ. Его заботливо хранили в записной книжке, так как обе его стороны чистые.

— Мы и нашли его в записной книжке.

— Не потеряйте его, мисс Морстен. Может быть, он еще нам пригодится. Я начинаю думать, что это дело более сложное и запутанное, чем мне показалось сначала. Я должен заново все обдумать.

Холмс откинулся на спинку сиденья, по его сдвинутым бровям и отсутствующему взгляду я понял, что он напряженно думает. Мы с мисс Морстен говорили вполголоса о нашем путешествии и о том, чем оно может кончиться, а наш спутник всю дорогу хранил непроницаемое молчание.

Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода. И сейчас огромный город окутывала плотная пелена тумана, то и дело переходящего в дождь. Мрачные, грязного цвета тучи низко нависли над грязными улицами. Фонари на Стрэнде расплывались дымными желтыми пятнами, отбрасывая на мокрый тротуар поблескивающие круги. Освещенные окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света — лиц печальных и радостных, угрюмых и веселых, — мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак. Я человек невпечатлительный, но этот унылый, тягостный вечер и наше странное путешествие подействовали мне на нервы, и мне стало не по себе. Я видел, что и мисс Морстен испытывает то же. Один Холмс, казалось, не замечал ничего. Он держал на коленях открытую записную книжку и время от времени заносил туда какие-то цифры и заметки при свете карманного фонарика.

У боковых входов театра «Лицеум» толпилось уже много народу, к главному входу нескончаемым потоком подъезжали двуколки и кареты, из которых выходили мужчины с белой на-

крахмальной грудью и женщины, закутанные в шали и сверкающие бриллиантами. Едва мы достигли третьей колонны — назначенного места встречи, как от нее отделился низенький, смуглый, вертлявый человек в одежде кучера и подошел к нам.

— Вы вместе с мисс Морстен? — спросил он.

— Я мисс Морстен, а эти джентльмены — мои друзья.

Незнакомец посмотрел на нас очень внимательным, пронизывающим насквозь взглядом.

— Простите меня, мисс, — сказал он настойчиво, но я прошу вас дать слово, что никто из ваших друзей не служит в полиции.

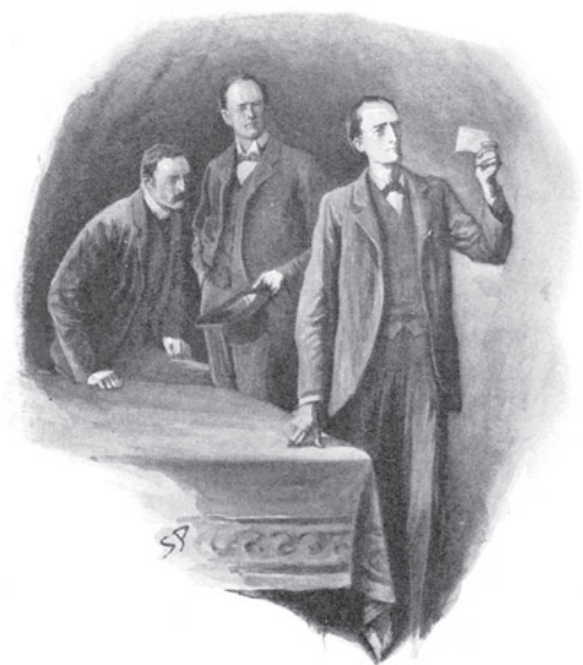
— Даю вам слово, — спокойно ответила мисс Морстен.

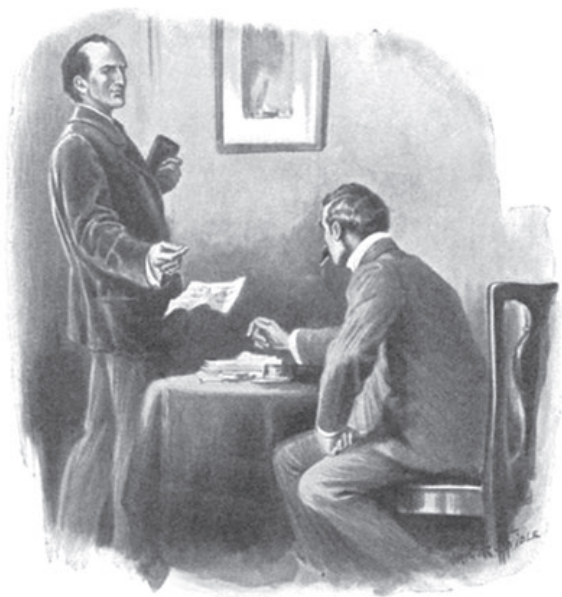
Человек пронзительно свистнул, и какой-то уличный мальчишка подвел к нам стоявший на той стороне кеб и отворил дверцу. Наш собеседник вскочил на козлы, мы сели внутрь. Возница взмахнул вожжами, и кеб с бешеной скоростью покатиł сквозь туман.

Ситуация была несколько необычной. Мы ехали неизвестно куда и неизвестно зачем. Или вся эта история была мистификацией, чьей-то шуткой, чего не было никаких оснований предполагать, или, что было более похоже на истину, нам предстояло узнать что-то очень важное. Мисс Морстен держала себя по обыкновению спокойно и сдержанно. Я пытался ободрить ее рассказами о своих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, меня самого так взволновала эта поездка и так разбирало любопытство, что мои истории были, пожалуй, несколько путанны. Мисс Морстен и по сей день утверждает, что я рассказал ей тогда занятный случай, как однажды глубокой ночью ко мне в палатку заглянул мушкет и я дуэлетом уложил его из двуствольного тигренка. Сперва я еще мог уследить, куда мы едем, но очень скоро благодаря быстроте, с которой мы мчались, туману, а также моему плохому знанию Лондона я перестал ориентироваться и мог сказать только, что мы едем уже очень давно. Шерлок Холмс, однако, не терял направления и то и дело шепотом называл площади и улицы, по которым мы проносились.

— Рочестер-роуд, — говорил он. — А вот и Винсент-сквер. Выезжаем на Воксхолл-бридж-роуд. Очевидно, мы едем в Суррей. Да, пожалуй, что туда. Проезжаем мост. Смотрите, в проемах блестит вода.

ДОЛИНА СТРАХА

Часть первая ТРАГЕДИЯ В БЕРЛСТОНЕ

Глава I ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

— Склонен думать... — начал было я.

— Да, дело принимает серьезный оборот, — задумчиво перебил меня Шерлок Холмс.

По-моему, я от природы наделен крайним долготерпением. Но даже меня возмутило столь пренебрежительное отношение к моему мнению.

— Поистине, Холмс, — недовольно сказал я, — по временам вы бываете просто невыносимы.

Но Холмс так глубоко погрузился в размышления, что мои оскорбленные чувства не вызвали у него никакой реакции.

Подперев рукою костистый подбородок, не замечая остывающего завтрака, он усталый неподвижный взгляд на небольшой листок бумаги, только что вынутый из конверта. Внезапно схватив конверт, он поднес его к лампе и тщательно обследовал внутреннюю и внешнюю стороны.

— Почерк Порлока, — в раздумье произнес он. — Могу поклясться, что это писал он, хотя видел его почерк не более двух раз. Его выдает манера написания «е». С таким греческим завитком сверху. Но если это Порлок, дело принимает весьма серьезный оборот.

Я понял, что эта речь обращена ко мне в той же мере, что и к любому другому предмету в комнате. Однако досада моя исчезла под напором любопытства, вызванного его словами.

— Кто такой Порлок? — осведомился я.

— Порлок, Уотсон, это псевдоним, как он мне чистосердечно признался в предыдущем письме, с условием, что я не буду искать его среди миллионов обитателей этого огромного города. Думаю, это весьма ловкий и изобретательный субъект. Но для нас Порлок важен только потому что связан с неким гениальным человеком. Он нечто вроде рыбы-лоцмана при акуле или шакала при льве. А лев этот — злодей в самом сильном смысле этого слова. Во всяком случае таким мне представляется профессор Мориарти. Вам не доводилось слышать от меня это имя?

— Это что, злодей самого высокого ранга, столь же известный в преступном мире, сколько...

— Какой стыд, Уотсон! — укоризненно произнес Холмс.

— Я хотел сказать: сколько сокрытый от глаз добропорядочного общества.

Холмс рассмеялся.

— Один-ноль в вашу пользу, Уотсон! У вас появилось чувство юмора, которым вы искусно пользуетесь. С вами надо держать ухо востро. Но ваше утверждение все равно не выдерживает критики. Называя Мориарти преступником, вы сами преступаете закон — и в этом вся прелесть и острота ситуации. Величайший интриган всех времен, автор всех главных преступлений века, незримая рука, решающая судьбы наций! И этот человек так далек от малейшего подозрения, так защищен от любых нападок, так неподражаемо умеет оставаться в тени, что, услышав ваши опрометчивые слова, мог бы подать в суд и потребовать компенсации за моральный ущерб в сумме вашей годовой пенсии. Как! Вы оскорбили прославленного ав-

тора «Движения астероида» — исследования, достигшего таких высот чистой математики, что во всем научном мире не нашлось специалиста, способного его рецензировать! Вы подумайте, на кого замахнулись! Мелкий злопыхатель и оклеветанный им уважаемый профессор — вот как распределились бы ваши роли. Ведь это гений, Уотсон! Если я уцелею, охотясь за дичью не столь крупной, то мы с ним непременно сразимся.

— Ах, как бы я хотел быть тогда рядом с вами, — с готовностью отозвался я. — Но вы так ничего и не сказали о Порлоке.

— Порлок? Так называемый Порлок это всего-навсего звено в цепи, имеющей касательство к упомянутой высокой особе. Как видите, это звено с изъяном. Но, насколько я успел убедиться, — это единственный изъян во всей цепи.

— Но ведь прочность цепи равна прочности ее самого слабого звена, как говорит пословица.

— Совершенно верно, мой дорогой Уотсон. Отсюда и проистекает крайняя важность Порлока. Толкаемый зачаточным стремлением к добру, которое дважды тайно вознаграждалось десятифунтовым банкнотом, полученным от меня окольным путем, он раз или два сообщал мне те важные сведения, которые позволяют предотвратить замышляемое преступление, а не служат ключом к уже совершенному. Не сомневаюсь, что эта записка именно такого свойства.

Холмс вновь развернул письмо над тарелкой с нетронутым завтраком. Я встал и, склонившись над его плечом, начал разглядывать текст:

534 K2 13 127 36 31
4 17 21 41 ДУГЛАС 109
293 5 37 26 БЕРЛСТОН 47 171

— Что вы думаете об этом, Холмс?

— Попытка сообщить мне секретные сведения.

— Но как можно прочитать зашифрованный текст, если нет ключа?

— На этот раз никак.

— Что значит «на этот раз»?

— А то, что большинство шифров я читаю с той же легкостью, с какой вы разгадываете воскресный кроссворд. Все их незамысловатые приемы служат лишь небольшой гимнастикой ума, нисколько не утомляя его. Но эта шифровка совсем другого рода. Без сомнения, эти цифры — порядковые номера

слов в какой-то книге. И пока я не узнаю, какая это книга и какая страница, я бессилён.

— Но почему среди цифр остались незашифрованными слова «Дуглас» и «Берлстон»?

— Потому что этих слов на той странице не оказалось.

— Тогда почему он не назвал книги?

— Думаю, что и вы, Уотсон, с вашей врожденной осмотрительностью, которая так восхищает друзей, не рискнули бы сунуть в один конверт зашифрованное сообщение и ключ к нему. Ведь если такое письмо попадет не по адресу, автор погиб. Если же послать ключ отдельно, то мало вероятности, что оба письма попадут к одному злоумышленнику. Стало быть, нам остается ждать следующей почты. Я очень надеюсь, что мы получим с ней ключ, а возможно, и саму книгу, что даже более вероятно.

Через несколько минут предположение Холмса блестяще подтвердилось: в дверях появился рассыльный Билли с вожделенным письмом в руке.

— Тот же почерк, — немедленно определил Холмс, осматривая конверт.

— И на этот раз с подписью, — добавил он взволнованно, развернув листок. — Ну что ж, приступим, Уотсон.

Однако, пробежав глазами содержание записки, он нахмурился:

— Боже мой, Уотсон, какое разочарование! Боюсь, что все наши ожидания пошли прахом. Этого типа Порлока, к несчастью, спугнули. Вот все, что он пишет:

«Уважаемый мистер Холмс. Я устраниюсь от этого дела, оно становится чересчур опасным. Меня подозревают, в этом нет сомнения. Сегодня он внезапно явился ко мне. Я только что написал адрес на конверте и собирался приступить к описанию шифра, как он вошел в комнату. Я едва успел спрятать конверт. Если бы он заметил его, со мной было бы кончено. Я сразу по его глазам увидел, что он подозревает меня. Настоятельно прошу, сожгите мое первое письмо, оно вам теперь ни к чему. *Фред Порлок*».

Какое-то время Холмс сидел неподвижно перед огнем, комкая в руке письмо и хмурия брови.

— Вполне вероятно, — наконец проговорил он, — что все это ему померещилось. Угрызения нечистой совести. Опасаясь возмездия за предательство, нетрудно увидеть в чужих глазах угрозу.

— Под чужими вы подразумеваете профессора Мориарти?

— Кого же еще? Если кто-то из их братии говорит «он», можете не сомневаться, о ком идет речь. «Он» для них только один.

— Чего этот Порлок так боится?

— Хм. Престранный вопрос. Если против вас — самый блестящий ум Европы, возглавляющий к тому же все силы ада, вам есть отчего не спать по ночам. Как бы там ни было, наш друг Порлок, видимо, совсем потерял голову от страха. Стоит только сравнить почерк на конверте и в записке. Адрес, как явствует из письма, был написан до злополучного визита. Как видите, почерк тверд и ровен. А теперь взгляните на записку — едва внятные каракули.

— Для чего он вообще тогда писал? Мог бы просто уничтожить конверт.

— Боялся, что я начну искать его. А это будет для него столь же огорчительно.

— Не зря боялся. Непременно будем искать! — с этими словами я вновь взял в руки шифровку и сосредоточился на ее значках. — Меня просто бесит мысль, что этот клочок бумаги таит важные вещи, а разгадать их нет никакой возможности.

Шерлок Холмс отодвинул, наконец, остывшее блюдо и зажег трубку — неизменную спутницу своих блужданий по лабиринтам мысли.

— Любопытно! — воскликнул он, откидываясь на спинку кресла и устремляя глаза в потолок. — А ведь от вашего могучего интеллекта могло кое-что и ускользнуть! Давайте взглянем на проблему с точки зрения здравого смысла. Шифровка указывает на текст какой-то книги. Это наша посылка.

— Чересчур общая.

— Попробуем ее сузить. Чем пристальнее я вглядываюсь в нашу проблему, тем менее безнадежной она мне представляется. На какие мысли наводит нас зашифрованный текст? Ни на какие.

— Ну-ну, я бы не сказал, что дело обстоит так плохо. Шифровка начинается с числа 534, не так ли? Предположим, что это номер страницы, которая нам нужна. Таким образом, наша книга оказалась довольно увесистым томом, а это уже кое-что, вы согласны? Следующий знак «K2». Как вы думаете, Уотсон, что бы это значило?

— Не представляю, что тут придумать... Может быть, «картина вторая», если, положим, это пьеса?

— Вряд ли, Уотсон. Я думаю, если указана страница, какая картина — не важно. К тому же, какой невероятной длины должна быть первая картина, если 534 страница находится только во второй!

— Колонка! — воскликнул я в озарении.

— Блестяще, Уотсон! Вы просто неповторимы сегодня. Если это не «колонка», то я вообще ничего не смыслю. Подведем итоги. Мы имеем толстую книгу, напечатанную в две колонки, большого формата, ибо колонки довольно длинные — одно из слов имеет порядковый номер 293. Ну как, исчерпали мы границы здравого смысла?

— Боюсь, что да.

— Думаю, вы несправедливы к себе. Еще одно усилие, дорогой Уотсон! Всего один всплеск разума! Если бы книга была редкой, он просто послал бы мне ее. Значит, посылать книгу не было нужды. Он не сомневался, что она у меня есть. Короче говоря, это книга, которая имеется в каждом доме.

— Вполне вероятно, Холмс!

— А какая книга, толстая, большого формата, есть в каждом доме?

— Библия, — победоносно заключил я.

— До некоторой степени вы правы, Уотсон. Но вы не учли, с кем имеете дело. Я принимаю ваш комплимент, но для приспешников Мориарти Библия вряд ли настольная книга. Кроме того, существует множество изданий Библии. Порлок, конечно, не мог рассчитывать на то, что у нас с ним одинаковые Библии. Книга, взятая им для ключа, безусловно выходила одним изданием. Только это дает гарантию, что 534 страница в его томе соответствует моей 534 странице.

— Да разве есть такие книги?

— Думайте, Уотсон, думайте. Ведь это и есть ключ к шифру. Какие книги имеют одно-единственное издание и бывают в каждом доме?

— Брэдшоу!

— Это, конечно, верно. Но язык железнодорожного справочника при всей его точности и лаконичности достаточно скуден. Вряд ли его хватило бы для какого-то сообщения, выходящего за рамки дорожной тематики. Значит, не Брэдшоу. А что еще?

— Настольный справочник-календарь!

— Великолепно! Я был бы круглым идиотом, если бы стал сомневаться, что вы попали в самую точку. И скорее всего, это

ежегодник Витакера. Он пользуется огромным спросом. В нем постоянное число страниц, текст на них печатается в две колонки. Если в начале он скупо подает информацию, то к концу становится невероятно болтлив — весьма полезное свойство для составления шифровок.

С этими словами Холмс снял с полки толстый том Ежегодника.

— Вот страница 534, вторая колонка. Здесь довольно большая статья о торговле и природных ресурсах Британской Индии. Записывайте слова, Уотсон. Номер 13. «Махратта». Боюсь, что начало весьма ненадежное. Номер 127. «Правительство». Ну, в этом есть какой-то смысл, хотя и отчаянно неподходящий для профессора Мориарти. Попробуем еще. Чем же занимается «Махраттское правительство»? Увы! Следующее слово «свиноводство». Мы потерпели полное фиаско, дорогой Уотсон.

Хотя он произнес последнюю фразу в своей обычной насмешливой манере, резкий взгляд сузившихся глаз выдал его разочарование и раздражение. Чувствуя себя бессильным помочь ему и глубоко несчастным, я отвернулся и уставился на огонь.

Наступила долгая тишина, внезапно прерванная громким возгласом Холмса, который кинулся к шкафу и в мгновение ока извлек оттуда еще один том ежегодника в желтой обложке.

— Это нам хороший урок, Уотсон! — воскликнул он. — Нечего бежать впереди паровоза. Сегодня 7 января, и мы, естественно, взяли новый справочник. А ведь Порлок скорее всего пользовался прошлогодним. Именно это он и собирался написать мне, когда его так невежливо спугнули. Давайте же скорее посмотрим, что нам уготовано на странице 534! Номер 13 — «здесь». В этом уже что-то есть! Номер 127 — «большая».

Глаза Холмса вспыхнули от возбуждения, тонкие чуткие пальцы дрожали, перебегая от слова к слову.

— «Опасность! Ха-ха! Разве мы не об этом мечтали? Пишите, Уотсон. «Здесь — большая — опасность — может — грозить — очень — скоро — некий — ». Затем стоит имя «Дуглас». Далее, «богатый — местный — житель — старый — замок — Берлстон — действовать — безотлагательно». Ура, Уотсон! Что вы теперь скажете о дедуктивном методе и его плодах? Если бы в овощной лавке продавались лавровые венки, я бы непременно за ним послал Билли.

Я вперил недоумевающий взор в странную фразу, которую только что нацарапал на клочке бумаги под его диктовку.

— Что за идиотская манера выражаться у этого Порлока, — пробормотал я.

— Напротив. Он прекрасно изложил свою мысль, — отозвался Холмс. — Если в вашем распоряжении всего одна колонка слов, притом в виде готового текста, вы вряд ли сможете достичь вершин красноречия. Остается надеяться только на сообразительность адресата. Впрочем, и особая сообразительность не нужна. Порлок предупреждает, что некоему Дугласу, богатому джентльмену из Берлстона, живущему в старом замке, грозит опасность, причем опасность неотвратимая, если срочно не вмешаться. Прекрасный образчик логического мышления, а, Уотсон?

Холмс всякий раз радовался своему успеху с беспристрастностью истинного художника, точно так же, как огорчился, если его дедуктивный метод давал сбой. Он все еще сиял от восторга, когда Билли распахнул дверь, и в комнату шагнул инспектор Скотленд-Ярда Мак-Дональд.

Описываемые мной события произошли в те давние дни конца 80-х годов, когда Алек Мак-Дональд еще не стяжал национальной славы, которой теперь по праву пользуется. Это был совсем молодой полицейский, уже успевший отличиться при исполнении нескольких важных поручений. В его высокой ладной фигуре угадывалась необычайная физическая сила, а весьма вместительный череп обещал присутствие значительного ума, о чем свидетельствовали также глубоко посаженные сметливые глаза под кустистыми бровями. Он был суров, прям и непреклонен как истинный шотландец. И говорил с явным шотландским акцентом.

Холмс уже дважды помогал ему в раскрытии преступлений, причем сам довольствовался только радостью от превосходно решенной задачи. Инспектор относился к своему коллеге-любителю с безграничным восхищением. Это проявлялось в той доверчивой простоте, с какой он обращался к Холмсу в особо трудных случаях. Посредственность всегда уверена в себе. Талант не боится склонить голову перед более ярким талантом. Вот и инспектор Мак-Дональд не считал для себя зазорным просить помощи у непревзойденного аналитика Европы. Холмс, хотя и не был расположен к изливанию чувств, всегда благосклонно принимал великана-шотландца. Улыбка и на этот раз озарила его лицо.

— Однако, вы ранняя пташка, мистер Мак, — сказал он. — Желая вам доброго улова. Но боюсь, вас подняло ни свет ни заря нечто более серьезное, чем любовь к прогулкам.

— Вы сказали «боюсь», мистер Холмс. Но я-то знаю, что «надеюсь» было бы гораздо ближе к истине, а? — понимающе ухмыльнувшись, отшутился инспектор. — Что ж, оно, может, и верно, подремать еще маленько было бы не худо. Чтобы не схватить утренней простуды, а? Спасибо, я не курю. Я очень спешу сегодня. Для нашей работы ранние часы — лучшее время, и вы знаете это лучше меня. Но постойте... постойте...

Слова застряли в глотке инспектора, а изумленные до последней степени глаза застыли на маленьком клочке бумаги, развернутом на столе Холмса, то есть, на нашей шифровке.

— Дуглас! — пролепетал он. — Берлстон! Что это, мистер Холмс? Это колдовство какое-то! Скажите же мне, что за нечистая сила начертала здесь эти слова?

— Это написал доктор Уотсон под мою диктовку. Прошу прощения, вы обнаружили какую-то ошибку?

Но инспектор все никак не мог придти в себя от изумления и только переводил с меня на Холмса широко раскрытые глаза.

— Могу сообщить, — наконец изрек он, — что мистер Дуглас из Берлстонского замка зверски убит прошедшей ночью!

Глава II ШЕРЛОК ХОЛМС РАССУЖДАЕТ

Настал один из тех драматических моментов, для которых Холмс был создан. Было бы преувеличением сказать, что это удивительное сообщение сильно поразило или взволновало его. В его характере не было ни капли жестокости, но многолетнее пристрастие к кокаину несколько притупило его чувства. Да, чувства его были приторможены, зато интеллект пребывал в исключительно активном состоянии. Поэтому в лице его не отразилось и тени того ужаса, который охватил меня при коротком сообщении инспектора. Наоборот, оно выражало спокойный интерес химика, наблюдающего, как из перенасыщенного раствора выпадают кристаллы.

— Замечательно, — потирая руки, повторял он. — Замечательно!

— Вы, я вижу, ничуть не удивлены?

— Заинтригован, мистер Мак, а не удивлен. Чему я должен удивляться? Я получил анонимное сообщение из вполне достоверного источника о том, что некоему джентльмену грозит опасность. А через час узнаю, что угроза действительно существовала, поскольку джентльмен этой ночью убит. Я заинтригован, но, как видите, не удивлен.

В нескольких словах он рассказал инспектору о письме и шифре. Мак-Дональд сосредоточенно слушал, уперев квадратный подбородок в ладони и сведя в один лохматый клубок пшеничные брови.

— Сначала я собирался в Берлстон, — сказал он. — И хотел просить вас поехать со мной, вас и доктора Уотсона. Но после вашего рассказа чувствую, что, может, лучше начать с Лондона.

— Думаю, что нет, — отозвался Холмс.

— Почему, мистер Холмс? — спросил инспектор. — Через день-другой все газеты будут кричать о таинственном убийстве в Берлстоне, а ключ-то к тайне здесь, в Лондоне. Кто этот человек, который предсказал убийство накануне его совершения? Надо поймать его — и тайна будет раскрыта.

— Несомненно, мистер Мак. И как вы собираетесь ловить его?

Мак-Дональд осмотрел конверт и произнес:

— Отправлено из Кэмберуэлла. Ну, это мало чему может помочь. Имя не настоящее, как вы сказали... Увы, оттолкнуться не от чего. Вы, кажется, упомянули, что посылали ему деньги?

— Дважды.

— Каким образом?

— На почтовое отделение в Кэмберуэлле.

— Вы, конечно, узнали, кто приходил за деньгами?

— Нет.

Инспектор вылупил глаза:

— Что вы сказали?

— Я обещал не выслеживать его. А я никогда не нарушаю своего слова.

— Вы думаете, за его спиной кто-то стоит?

— Я это знаю.

— Тот профессор, о котором вы говорили?

— Несомненно.

Инспектор улыбнулся, блеснув глазами в мою сторону.

— Не хочу скрывать от вас, мистер Холмс, у нас в Скотленд-Ярде считают ваши подозрения насчет профессора Мориарти, мягко говоря, чудачеством. Я даже сам навел некото-

рые справки. Он производит впечатление вполне порядочного, высокообразованного и талантливое джентльмена.

— Рад, что вы способны распознать талант.

— Да разве тут ошибешься! Послушав вас, я решил непременно его повидать. Мы с ним беседовали о затмениях. Каким манером мы дошли до этой темы, сказать не могу. У него есть специальный прибор — фонарь с рефлектором и глобус. И он в одну минуту все мне объяснил. Даже дал почитать специальную книгу. Только, признаюсь, я мало что в ней понял, хотя получил довольно приличное образование у нас в Абердине. Он похож на архиепископа. Лицо худое, седовласый и говорит так важно, словно читает проповедь. Когда мы расставались и он положил мне руку на плечо, у меня было такое чувство, что меня благословляет отец перед вступлением в холодный, жестокий мир.

Холмс фыркнул и потер руки.

— Каков? — произнес он, оглядываясь на меня. — Великолепен! А скажите-ка, друг мой Мак-Дональд, эта знаменательная беседа происходила в кабинете профессора?

— Да, там.

— Прекрасно обставленная комната, вы обратили внимание?

— Очень даже обратил. Поистине роскошный кабинет, мистер Холмс.

— Вы сидели перед его письменным столом?

— Да.

— Вам в лицо било солнце, а его лицо оставалось в тени, не так ли?

— Я был у него вечером. Действительно, свет от лампы падал мне на лицо.

— Так и должно быть. А не заметили ли вы картины над головой профессора?

— Я стараюсь ничего не упускать — по вашей методе, мистер Холмс. Да, я видел картину. Молодая дама оперла голову на ладони и смотрит на вас искоса.

— Это картина Жана Батиста Греза.

— Жана Батиста Греза? — переспросил инспектор, стараясь выказать интерес.

Холмс соединил кончики пальцев и откинулся в кресле.

— Французский художник, творивший во второй половине XVIII века, — продолжал он. — Современники высоко ценили его. И наши критики превозносят до небес.

Взгляд инспектора устремился куда-то вдаль.

— Мне кажется, нам сейчас важнее... — начал было он.

— Это не менее важно, — прервал Холмс. — Каждое мое слово имеет прямое отношение к берлстонской истории. Более того, я уверен, именно здесь ее корни.

Мак-Дональд нерешительно улыбнулся и умоляюще взглянул в мою сторону.

— Я не могу угнаться за ходом ваших мыслей, мистер Холмс, — сказал он. — Вы пропустили одно-два звена в цепи рассуждений. И я не вижу в них логики. Какое отношение может иметь этот допотопный художник к убийству в Берлстоне?

— При расследовании дела любые сведения могут оказаться полезными, — продолжал Холмс. — В 1865 году картина Греза «Молодая девушка из Агно» была продана за миллион двести тысяч франков на аукционе в Портале. Даже такой, казалось бы, малозначительный факт должен послужить толчком для целого ряда умозаключений.

И он послужил. Глаза инспектора ожили.

— Позвольте напомнить, — продолжал Холмс, — что размеры жалованья профессора легко установить по нескольким справочникам. Он имеет что-то около семисот фунтов в год.

— Прошу прощения, как же он мог купить...

— Вот именно. Как он мог купить? — подхватил Холмс.

— Очень интересно, — задумчиво сказал инспектор. — Продолжайте, прошу вас. Вы знаете, как я люблю вас слушать.

Холмс улыбнулся, его радовало искреннее восхищение его методом — как всякого художника произведение его рук. Тем не менее он напомнил: — Не пора ли нам в путь?

— Время у нас еще есть, — взглянул на часы инспектор. — Мой кеб у дверей. Будем на вокзале через двадцать минут.

— Я вот что хотел уточнить, мистер Холмс. Вы, кажется, говорили, что никогда не видели профессора Мориарти?

— Не видел.

— Откуда же вы знаете его комнаты?

— Это особый разговор. Я был у него три раза. Два раза ждал под каким-то предлогом и ушел, не дождавшись. А в третий раз — хотя, признаться, мне не очень удобно говорить об этом с полицейским чином — я позволил себе порыться в его бумагах. И получил совершенно непредвиденный результат.

— Что-нибудь компрометирующее?

— Ровно ничего. Это-то и показалось мне подозрительным. Как бы там ни было, картина остается фактом, который свиде-

тельствует об огромном богатстве. Как он мог разбогатеть? Он не женат. Младший брат работает на железнодорожной станции на западе. Сам он имеет семьсот фунтов в год. И покупает Греза!

— Какой же из этого вывод?

— Вывод напрашивается сам собой.

— Вы хотите сказать, профессор имеет большой доход, происхождение которого незаконно?

— Да, именно. Но есть и другие причины утверждать это. В моих руках множество мелких нитей, и все они упорно ведут в центр паутины, где притаилось ядовитое, замершее перед очередным прыжком насекомое. Я начал с Греза, потому что эту картину вы видели собственными глазами.

— Что же, мистер Холмс, я согласен, это очень интересно. Даже больше скажу — потрясающе. И все-таки поясните мне, в чем источник его доходов? Подделка документов, фальшивые деньги, кражи?

— Вам случалось читать о Джонатане Уайльде?

— Имя как будто знакомое. Герой детективного романа? Я обычно не запоминаю детективов. Все эти парни дело вроде бы делают, но никогда нельзя понять, каким образом это им удается. Сплошное вдохновение вместо работы.

— Джонатан Уайльд не был ни детективом, ни героем романа. Это известный преступник середины прошлого века.

— В таком случае он меня мало интересует. Я человек практический.

— Нет ничего более практичного, мистер Мак, чем уединиться ото всех месяца на три и читать по 12 часов в день историю криминалистики. Там вы отыщете все, что угодно, даже профессора Мориарти. Джонатан Уайльд был тайной пружиной лондонского преступного мира, которому он продавал свой талант и организаторские способности за 15 процентов комиссионных. Колесо истории повернулось, и та же самая спица опять оказалась сверху. Все уже было и будет вновь. А что касается Мориарти, могу рассказать несколько интересных фактов.

— Буду очень признателен.

— Мне стало известно первое звено в цепи, на одном конце которой гений, ставший на путь зла, на другом свора отпетых негодяев, воров, шантажистов, шулеров, со всеми мыслимыми и немыслимыми преступлениями в промежутке. Это некий полковник Себастиан Морэн, так сказать, начальник штаба,

надежно законспирированный и недосыгаемый для закона, как сам профессор. Сколько, вы думаете, Мориарти ему платит?

— Предпочел бы услышать это от вас.

— Шесть тысяч в год, как я случайно узнал. Вот вам современная цена способностей. Чисто американский подход к делу. Наш премьер-министр получает меньше. Надеюсь, это дает представление о доходах самого Мориарти и его размахе? Или еще такой факт. Я последил за текущими счетами Мориарти, то есть за самыми тривиальными чеками, которыми он расплачивается за ежедневные услуги. Так вот они были написаны в адрес шести различных банков! Вас это не впечатляет?

— В высшей степени странно. И что же отсюда следует?

— А то, что он старается скрыть размеры своего богатства. Ни единый человек не должен этого знать. Думаю, у него не менее двадцати банковских счетов, причем вполне вероятно, что основной капитал находится за границей, где-нибудь в Германии или Франции. Если у вас выберется год-другой свободный, изучите жизнь профессора Мориарти, очень вам советую.

Инспектора Мак-Дональда все сильнее увлекал рассказ Холмса. Казалось, он позабыл обо всем на свете. Но практическое шотландское здравомыслие все-таки одержало верх.

— Во всяком случае профессор держится в рамках закона, — сказал он. — Однако вы несколько увели нас в сторону вашими историями, мистер Холмс. Из всего сказанного для нас важна только связь, существующая между Мориарти и преступлением в Берлстоне. Вам подало эту мысль письмо Порлока. А есть еще какие-нибудь соображения?

— Давайте попробуем принять некую рабочую гипотезу относительно мотивов преступления. Судя по вашим замечаниям, это убийство необъяснимо, точнее, пока необъяснимо. Предположим, мои подозрения относительно причастности Мориарти верны. Тогда возможны две версии. Мориарти, заметьте, держит свою команду в ежовых рукавицах — абсолютная дисциплина, признается только один вид наказания — смерть. Значит, можно предположить, что убитый, этот самый Дуглас — его судьба была предсказана одним из верноподданных этого архипреступника, — каким-то образом предал своего шефа и был наказан в назидание другим.

— Это первая гипотеза, мистер Холмс. А вторая?

— Вторая? Перед нами очередное дело Мориарти, предпринятое в целях обогащения. Что-нибудь украдено?

— По-моему, нет.

— Если так, это свидетельствует против второй гипотезы в пользу первой. Ведь Мориарти не выдает идеи бесплатно. Возможна и третья версия. Но для этого надо ехать в Берлстон. Я слишком хорошо знаю Мориарти. Здесь мы улик не найдем.

— Тогда вперед! — воскликнул Мак-Дональд, вскакивая с места. — Проклятье, до поезда остается совсем мало времени! Пять минут на сборы, джентльмены! И ни минуты больше!

— А больше и не надо, — подхватил Холмс, в свою очередь вскакивая с кресла и начиная собираться. — А по пути расскажите нам все подробности.

«Всех подробностей» оказалось удручающе мало. Одно было ясно — дело заслуживает самого пристального внимания.

Холмс сиял и потирал от удовольствия руки, смакуя скудные, но поразительные детали. Долгие недели вынужденного бездействия остались позади, и он наконец-то мог применить свои удивительные способности, которые, как всякий дар, оттачивались в действии, ибо самый закаленный меч тупится и ржавеет в отсутствии битв, становясь обузой для хозяина. В глазах его вспыхнул острый блеск, бледное лицо приобрело теплый оттенок, свидетельствуя о разгорающемся внутреннем пламени. Он сидел в кебе против Мак-Дональда, весь подавшись вперед, ловя каждое слово.

О разыгравшейся в Сассексе трагедии инспектору стало известно из письма давнего приятеля Уайта Мэйсона, начальника Берлстонской полиции, которое привез самый ранний поезд. Этой дружбе Берлстон был теперь обязан тем, что Мак-Дональду в то же утро передали это письмо — факт почти невероятный для Скотланд-Ярда, не особенно расторопного, когда дело касалось помощи провинции. Обычно столичным ищейкам приходилось бежать по остывшим следам.

Письмо, полученное инспектором, было следующего содержания: «Дорогой Мак-Дональд. Официальный запрос на ваш приезд находится в отдельном конверте. Эту записку пишу запросто, по старой дружбе. Телеграфируйте, каким поездом приедете в Берлстон, я встречу вас или пришлю людей. Не теряйте ни минуты. Если мистер Холмс согласится ехать, буду рад. Ему будет над чем поломать голову. У нас произошло нечто необъяснимое. Если бы не труп, я счел бы все это за идиотский розыгрыш. Поверьте моему слову: это какая-то чертовщина».

— А ваш приятель неплохо соображает, — заметил Холмс.

— Да, сэр! Уайт Мэйсон умный человек, насколько я могу судить.

— Что еще вы можете о нем сказать?

— Только то, что Мэйсон не пропустит ни одной детали, и все они будут предоставлены нашему вниманию.

— Откуда вам известно имя убитого и факт зверского, как вы выразились, убийства?

— Из официального донесения. Но там нет слова «зверский». Это не полицейский термин. Имя названо — Джон Дуглас. Сказано, что смерть наступила от ранений в голову. Выстрелы были сделаны из двустволки. Труп обнаружен около полуночи, прошлой ночью. Факт убийства налицо, арестованных пока нет. Дело признано в высшей степени запутанным и неординарным. Вот и все, что мы имеем на данный момент, мистер Холмс.

— Тогда, с вашего позволения, на этом пока остановимся, мистер Мак-Дональд. Поддаться соблазну теоретизировать при недостатке данных — самая большая опасность в нашей профессии. Пока мы имеем два бесспорных факта — мощнейший интеллект в Лондоне и убитый сквайр в Сассексе. Два конца цепи, которую нам придется восстанавливать.

Глава III ТРАГЕДИЯ В БЕРЛСТОНЕ

Теперь я хочу на какое-то время самоустраниться, тем более, что потеря от этого небольшая, и рассказать о событиях, предшествующих нашему появлению на месте драмы. Таким образом, я познакомлю читателя с ее участниками и с той странной обстановкой, в какой они очутились по воле судьбы.

Селение Берлстон, расположенное на севере Сассекса, представляет собой небольшую группу старинных домов, сложенных из дерева и камня. В последние несколько лет романтический вид и живописные окрестности Берлстона, веками не менявшего облик, привлекли сюда несколько богатых и знатных семейств. Их современные виллы выглядывают из-за деревьев окрестных лесов. Эти леса являются началом огромного Уилдского леса, который тянется вплоть до северной меловой гряды. Для нужд растущего населения в Берлстоне открыты несколько лавочек. Может статься, что это древнее селение станет невольным современным провинциальным городком. Берлстон — центр довольно значительного района; близлежащий

более или менее крупный поселок Танбридж-Уэллс находится в 10 или 12 милях к востоку, в графстве Кент.

Примерно в миле от Берлстона в старинном парке, знаменитом своими огромными буками, расположился старинный Берлстонский замок. Самая старая часть этого почтенного строения восходит ко времени первых крестовых походов. Король Вильгельм II Рыжий пожаловал одному из рыцарей поместье, и тот возвел на пожалованной земле крепость, уничтоженную пожаром 1543 года.

Несколько ее закопченных угловых глыб легли в основание нового кирпичного здания, возведенного на руинах феодального замка во времена короля Иакова.

Особняк с многочисленными фронтонами и узкими стрельчатыми окнами почти полностью сохранил внешний вид, как он был задуман строителем в начале XVII века. Наружный из двух рвов, защищавших поместье в давние воинственные времена, был засыпан и стал скромно служить огородом. Внутренний ров сохранил свои сорок футов ширины, но обмелел до трех-четырёх футов и по-прежнему вплотную окружал дом. Вода в нем была мутная, но проточная. Окна нижнего этажа располагались всего в футе от воды. В дом попадали через подъемный мост, цепи и ворот которого долгое время ржавели в бездействии. Но нынешние владельцы замка восстановили механизм, и старинный мост не только мог теперь подниматься и опускаться, но и действительно каждое утро его опускали, а вечером поднимали. Такое возобновление древнего феодального обычая превращало дом в неприступную крепость — что прямо касается тайны, возбудившей очень скоро внимание всей Англии.

Несколько лет до описываемых событий дом был необитаем, и нашествие сорных растений и плесени грозило превратить его в живописные развалины. От гибели его спасло появление новых хозяев — Дугласа и его жены.

Дуглас был человек необычайный и характером и внешностью. Ему в то время было около пятидесяти лет. Суровое лицо с квадратным подбородком, густые усы, пронзительные серые глаза, жилистое тело, сохранившее всю мощь и энергию молодости. Впрочем, был он нрава добродушного и общительного, хотя и несколько бесцеремонного, что обличало в нем человека, который жила в менее культурном обществе, чем то, что его окружало в Берлстоне.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Перевод В. Бабкова

Часть первая
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ДОКТОРА ДЖОНА Х. УОТСОНА,
ОТСТАВНОГО ОФИЦЕРА
МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

<i>Глава I.</i> Мистер Шерлок Холмс	7
<i>Глава II.</i> Искусство дедукции	15
<i>Глава III.</i> Тайна Лористон-Гарденс	24
<i>Глава IV.</i> Что рассказал Джон Ранс	34
<i>Глава V.</i> К нам приходят по объявлению	41
<i>Глава VI.</i> Тобиас Грегсон показывает, на что он способен	47
<i>Глава VII.</i> Свет во тьме.	56

Часть вторая СТРАНА СВЯТЫХ

<i>Глава I.</i> На великой Соляной равнине	65
<i>Глава II.</i> Цветок Юты	74
<i>Глава III.</i> Джон Ферриер говорит с Пророком	81
<i>Глава IV.</i> Побег	85
<i>Глава V.</i> Ангелы-мстители	94
<i>Глава VI.</i> Продолжение воспоминаний доктора Джона Уотсона	102
<i>Глава VII.</i> Заключение	112

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ

Перевод М. Литвиновой

<i>Глава I.</i> Суть дедуктивного метода Холмса	121
<i>Глава II.</i> Мы знакомимся с делом.	129
<i>Глава III.</i> В поисках решения	134
<i>Глава IV.</i> История человека с лысиной	138
<i>Глава V.</i> Трагедия в Пондишери-Лодж	148

<i>Глава VI.</i> Шерлок Холмс демонстрирует свой метод	154
<i>Глава VII.</i> Эпизод с бочкой	162
<i>Глава VIII.</i> Нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит . .	173
<i>Глава IX.</i> Разрыв в цепи.	181
<i>Глава X.</i> Конец островитянина	190
<i>Глава XI.</i> Сокровища Агры	198
<i>Глава XII.</i> История Джонатана Смолла	204

ДОЛИНА СТРАХА

Перевод М. Литвиновой

Часть первая ТРАГЕДИЯ В БЕРЛСТОНЕ

<i>Глава I.</i> Предостережение.	229
<i>Глава II.</i> Шерлок Холмс рассуждает.	237
<i>Глава III.</i> Трагедия в Берлстоне.	244
<i>Глава IV.</i> Мрак	252
<i>Глава V.</i> Участники драмы	262
<i>Глава VI.</i> Луч света	271
<i>Глава VII.</i> Разгадка	282

Часть вторая СКАУЕРЫ

<i>Глава I.</i> Новичок	296
<i>Глава II.</i> Хозяин	304
<i>Глава III.</i> Вермисса, ложа 341	319
<i>Глава IV.</i> Долина страха.	333
<i>Глава V.</i> Черная зима	342
<i>Глава VI.</i> На волоске	354
<i>Глава VII.</i> Западня Бэрди Эдвардса	363
<i>ЭПИЛОГ</i>	372